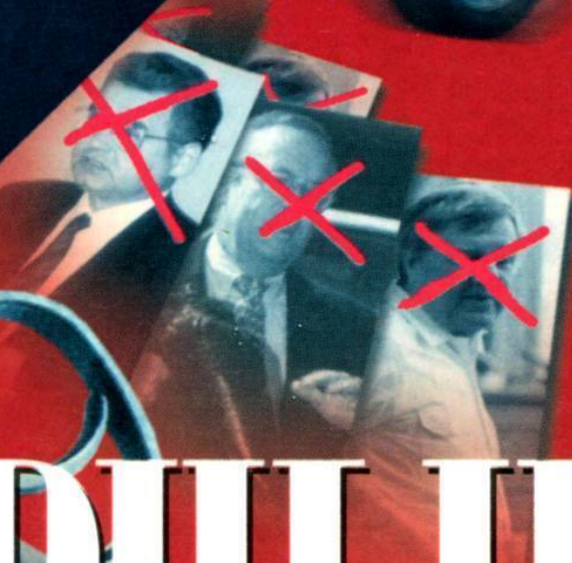

Андрей
ТРОИЦКИЙ

ЧЁРНЫЕ
ТУЗЫ

Андрей Троицкий

Черные тузы

«Андрей Троицкий»

Троицкий А. Б.

Черные тузы / А. Б. Троицкий — «Андрей Троицкий»,

Журналист Росляков, вернувшись с работы домой, находит на кухне труп приятеля с простреленной головой. Как быть, кто поверит, что он не имеет отношения к убийству? Росляков перетаскивает труп в ванну, чтобы потом тайно вывезти покойника за город. Но это легче сказать, чем сделать...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	22
Глава пятая	28
Глава шестая	32
Глава седьмая	37
Глава восьмая	45
Глава девятая	52
Глава десятая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Андрей Троицкий

Черные тузы

Глава первая

Предприниматель Марьясов заканчивал ужин в ресторане «Два Ивана». Еда показалась тяжелой, фирменные котлеты «подкова» слишком жирными, картофель пережаренным, маринованная спаржа кислой, а клубничный пирог сладким до приторности. Марьясов, широко распахнув пиджак, погладил ладонью вздувшийся живот и вслух заметил, мол, лучше было пару кирпичей проглотить, а не ехать сюда и не тратить деньги на ужин, после которого чувствуешь только, что в желудке застрял булыжник. Молодой пресс-секретарь предпринимателя Игорь Куницын, не страдавший расстройством пищеварения и вполне довольный ресторанной кухней, одобряя остроту своего начальника, хихикнул и поднес к сигарете Марьясова огонек зажигалки.

Хозяин заведения Харитонов неслышными шагами подошел к столику гостей, изобразил нечто вроде с поклона с полуприседанием и спросил, довольны ли гости угощением.

– Довольны, – ответил Марьясов, улыбнувшись через силу. – А твой певец, ну, Головченко скоро будет выступать? Путь он на минуту к нам присядет.

– Сей момент, – Харитонов растворился в полумраке ресторанный зала.

Головченко в темном с серебристым отливом костюме и белой сорочке, уже загримированный для выхода на сцену, с напояженными волосами, не заставил себя долго дожидаться, подошел к столику и, поприветствовав Марьясова, сел на стул, налил в чистый стакан минеральной воды.

– Выпьешь с нами? – Марьясов кивнул секретарю, чтобы тот наполнил рюмки.

– Вы же знаете, я теперь ни капли, – отказался Головченко. – То есть вообще ни грамма.

– Вот как? Тогда молодец, – Марьясов усмехнулся. – Это хорошо, умеешь слово держать.

– Я вам два года назад пообещал, что больше капли в рот не возьму, – Головченко поправил бордовый галстук-бабочку. – И на этой работе пить нельзя. Тут хороший ресторан, лучший в нашем городе.

Зал неожиданно затих. Оркестр заиграл так тихо, что стало трудно расслышать мелодию. На эстраду вышел мужчина в темном костюме и белых лаковых туфлях и с молчаливым ожесточением принялся молотить чечетку. Глядя на танцора, Марьясов расхохотался.

– Этот олух мне не нравится, – Марьясов пальцем показал на чечеточника. – Лупит ногами, а в ритм не попадает. Тут в прежние времена выступал один мужик, что-то вроде конферансье. Рассказывал анекдоты и показывал фокусы. Кроликов из шляпы доставал, платки. Приятно посмотреть. Разумеется, все это было ещё до того, как фокуснику отрубили руки.

– А за что с ним это сделали? – Головченко поморщился.

– Сейчас уж не помню. Кажется, он у кого-то что-то украл. Да бог с ним, с фокусником. Лучше скажи, как тебе здесь платят, не обижают?

– Прилично платят. В нашем городке более денежной работы не найти. А в московских кабаках я не нужен. Да, жизнь у меня теперь совсем другая. Взял себя в руки, – Головченко виновато улыбнулся. – Помните, я ведь до того допивался, что выходил на сцену и забывал слова песен. Музыка играет, а я стою, как колода, и что-то мычу в микрофон. Вы за меня тогда поручились перед хозяином, мне дали испытательный срок.

– Ты просто знал, что меня обманывать нельзя, поэтому и не обманул. Есть люди, которых можно обманывать и даже нужно. Если такого человека хотя бы один раз в день не обманули, он плохо себя чувствует. Голова у него болит и вообще все из рук валится.

Сделавшись серьезным, певец придвинул стул ближе к Марьясову, выставил вперед правое ухо, будто плохо слышал.

– Ты знаешь, в городе проводили региональное совещание промышленников, – Марьясов вытащил новую сигарету, а шустрый пресс-секретарь поднес руку с горячей зажигалкой. – Во Дворце культуры состоялось торжественное закрытие, концерт, ужин и всякое такое. Вся эта самодеятельность закончилась за полночь, вот я и уехал. А ты остался до последнего? Правильно?

– Я выступал на концерте, – сказал Головченко, ещё не понимая, о чем его, собственно, спрашивают. – Это был неплохой концерт. Мне разрешили спеть три песни. Мэр был в восторге...

– Черт с ним с мэром, наплевать мне на него и на все это совещание, – Марьясов выругался и вправду чуть не сплюнул на пол. – Я уже уходил, но в дверях меня встретил наш городничий, мэр наш и попросил помочь с транспортом, развести каких-то безлошадных гостей. У меня нет собственной автобазы, но я прислал микроавтобус «Фольксваген». Водитель сказал, что и тебя подвозил, так?

– Я только не знал, что это ваш автобус. Меня высадили возле дома. Я взял свой чемоданчик с эстрадным костюмом и туфлями и вышел, а они, то есть гости, поехали в сторону Москвы. Мой дом на окраине, в той стороне, как в Москву ехать, вот они и поехали.

– Вспомни, сколько человек осталось в автобусе, когда ты вышел. Возможно, с кем-то из пассажиров ты знаком. Подумай. Ты ведь был трезвый, значит, должен помнить.

– В салоне было темно... Сидели четыре человека, все мужики, плюс водитель. Ни с кем из этих людей я лично не знаком, но одного парня встречал прежде. Фамилия его Росляков, он корреспондент московской газеты. – Головченко назвал газету и на минуту задумался. – Разрешите, я пойду, мне сейчас выступить?

– По дороге они о чем-то говорили? – Марьясов не заметил просьбы Головченко.

– Я не прислушивался, они все выпивши были, – Головченко втянул голову в плечи. – А один из этих мужиков, незнакомый, прихватил с банкета большую бутылку, стакан и какую-то закуску. Как только тронулись, он открыл портфель, вытащил бутылку, стакан и сверток с бутербродами. И всем по очереди предложил выпить.

– Иди, – сказал Марьясов. – Иди с Богом.

Головченко, медленно передвигая ноги, пятясь задом и кивая головой, как индийский болванчик, исчез в полумраке. Марьясов отодвинул в сторону пепельницу, не торопясь, с видимым удовольствием высморкался в платок и мутным от дурных мыслей взглядом уставился в зеркальный потолок. Там, наверху, он увидел человека в темном мятом костюме и галстук, съехавшим на бок. С мрачным видом мужчина двигал челюстью, шевелил нижней губой с прилепившимся к ней коротким окурком. Мрачный человек с бледным, почти землистым лицом сразу и навсегда не понравился Марьясову, но через мгновение он узнал в отражении самого себя и поморщился, смотреть в потолок расхотелось.

* * * *

Ветер, к ночи набравший морозную силу, наполненный сухим колким снегом, дунул с реки, погнал поземку. Ожидая, когда водитель развернется и подаст машину под освещенный неоновой вывеской козырек ресторана, Марьясов, нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Защищаясь от ветра, он поднял высокий воротник пальто, потерял щекой о мех с густым подшерстком и от нечего делать стал разглядывать окна пятиэтажек на противоположной стороне улицы, полускрытые несущимся из темноты снегом. Огоньки зажигались и гасли.

– Все люди как люди, а я, как хрен на блюде, – вслух самому себе сказал Марьясов.

– Простите, не понял, – пресс-секретарь Куницын приблизился на шаг и даже вытянул голову в сторону Марьясова.

– Да это я так, – отмахнулся Марьясов, – своим мыслям отвечаю.

Опередив слишком услужливого Куницына, он шагнул к подъехавшей машине, распахнул заднюю дверцу и, рухнув на сидение, захлопнул её. Куницын устроился впереди, отдал распоряжение водителю и, сняв с головы шапку, стряхнул снег на резиновый коврик.

– Да, погодка, – обернулся он к Марьясову.

– Ничего, не замерзнем.

Марьясова, поглощенного невеселыми практическими мыслями, тема погоды, совершенно не занимала. Когда разогнавшуюся машину повело юзом на обледенелой дороге, он, не переносивший лихачества, плотно ухватился рукой за переднее сидение, против обыкновения не сделал замечания водителю, а продолжал флегматично разглядывать через боковое стекло серую снежную муть. Марьясов, наконец, оторвался от окна, от молчаливого созерцания снегопада, тронул Куницына за плечо.

– Долго ещё ехать?

– Теперь совсем близко, – пресс-секретарь обернулся к начальнику. – У Лысенкова домик на окраине, рядом с производственной зоной. Жена года два назад плюнула ему в морду, взяла ребенка и укатила к богатой тетке в Москву, сюда теперь и носа не кажет. Там он после развода живет один, место тихое. Поговорить нам никто не помешает. То есть, с этим боровом до нашего приезда уже поговорили и дом обыскали. Я им по сотовому из ресторанного сортира позвонил. Спросил: как успехи? Никак.

– Этот Лысенков не так глуп, чтобы обокрасть меня и, главное, после кражи даже не двинуться с места, даже не попробовать убежать. Ясно, что портфель взял не он. И вообще, я к Лысенкову всегда хорошо относился, доверял ему большие деньги и знал, что копейки не пропадет. Он совестливый хороший мужик.

– И я ему всегда доверял, – сказал Куницын, обрадованный тем, что подвернулась подходящая тема для разговора. – И человек он действительно хороший, порядочный. Такие порядочные люди в наше время подчистую вывелись, просто нет таких людей. Он скорее из своего кармана доложит, чем чужое возьмет. Нет, нормальный он мужик, просто-таки хороший.

Куницын говорил с жаром, настроением, отрывисто и веско, говорил так, будто спорил с самим собой или убеждал в своей правоте какого-то невидимого оппонента.

– Помню, занял он у меня сколько-то денег, так, гроши какие-то, я уж давно забыл о деньгах этих. А он вспомнил, отдал и ещё извинился за то, что задержал. Таких, как этот Лысенков сейчас и не встретишь, каждый гад под себя гребет.

– Точно, не встретишь, – машинально повторил Марьясов, размышляя совсем о другом, тряхнул головой, возвращаясь к действительности.

– Три года он курьером работал, а три года это не три дня, не три недели, – и ни одной накладки, копейки не пропало, значит, честный человек, честнейший, – продолжал пережевывать простенькую мысль Куницын. – Такие суммы через него проходили, просто огромные деньги, а копейки не пропало. Значит, можно ему верить, значит...

– Ни черта это не значит, – Марьясову уже надоело бестолковое словоблудие пресс-секретаря. – В том, что пропал портфель, виноват Лысенков, прежде всего он.

– Само собой, тут с него вины никто не снимает, – закипел, завертелся на сидении Куницын. – Чисто его вина, только его, недоумка этого, дебила. Наел морду, что блюдо ресторанное, все мозги жиром заплыли, заросли, только о своей гнилой утробе и думает, больше ни о чем. Свинья тупая, гнида. Ему же доверяли, за своего человека считали, а он... Утерся нами. И так со всеми окружающими. Жену бросил, ребенка. У него на первом месте собственная персона. Сволочь какая, тварь. Пробы ставить негде. Ладно, он ещё посыт кровью.

* * * *

Оставив шапку в салоне, Марьясов вылез из машины, нерасчетливо, слишком сильно, хлопнув дверцей, остановился на обочине, ожидая, когда Куницын забежит вперед и покажет, куда идти. На утонувшей в снегу улочке ни фонаря, только темный бревенчатый дом, стоящий на отшибе светился всеми пятью окнами. Вдалеке, за глубоким занесенным снегом оврагом, за бетонным забором начиналась производственная зона, там подпирали черное небо полосатые трубы цементного завода. Задуваемые снегом светились, мигали огоньки административного корпуса.

– Вот по тропиночке этой, – Куницын махал рукой с зажатой в ней шапкой, показывая куда-то вперед себя. – Узкая тропинка, но её видно.

Марьясов действительно разглядел расчищенную на скорую руку тропинку между высокими сугробами, почти накрытыми низкий штакетник забора. Ориентируясь на черную спину Куницына, неуверенно ступая по скрипучему бегущему из-под ног снегу, Марьясов доковылял до крыльца, чертыхаясь себе под нос. В темных сенях, крепко пропахших мышинными нечистотами и сырой плесенью, обо что-то споткнулся, загремел то ли металлическим корытом, то ли куском жести, снова чертыхнулся, вытянул вперед руку, но тут Куницын, наконец, распахнул дверь в ярко освещенную комнату.

Пресс-секретарь хотел уступить дорогу начальнику, но Марьясов подтолкнул его вперед, сам прошел следом и, на секунду зажмурившись от ярого света, остановился на пороге, потопал ногами, стряхивая снег с ботинок. Посередине комнаты привязанный бельевой веревкой к креслу с прямой спинкой и вытертыми до белой деревянной фактуры подлокотниками, сидел бывший порученец и курьер Сергей Лысенков. Он медленно повернул голову в сторону вошедших, слизнул языком кровь с верхней рассеченной надвое губы, сглотнул слюну и ничего не сказал. Его лицо, будто смазанное куриным жиром, блестело под пятирожковой стеклянной люстрой, отсвечивало синюшными кровоподтеками и ссадинами. Разорванная на груди и плече рубашка, замаранная кровью и неизвестного происхождения грязью, вылезла из брюк. Над курьером, сжав тяжелые кулаки, нависал мрачной тенью Игорь Васильев.

– М-да, я вижу, вы тут уже хорошо поработали, – неизвестно к кому обратился Марьясов. – И каков результат? – на этот раз Марьясов, посмотрел на Васильева, адресуя вопрос ему.

– Результат? – Васильев тронул за плечо Лысенкова. – Сам пусть скажет. Пока он ещё может говорить.

Марьясов сделал несколько шагов вперед, в центр комнаты. Он заглянул в лицо Лысенкова и поморщился.

– Ты можешь говорить? – спросил Марьясов и отвел глаза в сторону.

Лысенков закричал, повел из стороны в сторону головой, пошевелил кистью правой руки. Марьясов повторил вопрос.

– Могу говорить, язык мне ещё не вырезали, – Лысенков сплюнул кровью на дощатый крашенный пол. – Но я уже все сказал, чего знаю, все сказал. Сто раз все повторил слово в слово.

– Значит, повтори это мне в сто первый раз.

Чтобы отогнать противный удушливый запах, Марьясов закурил. Голубой прозрачный дым поднялся вверх под потолок, к запыленным плафонам стеклянной люстры. Табак почему-то горчил, сушил рот. Марьясов бросил сигарету на пол и раздавил её каблуком ботинка.

– Пусть мне развяжут руки, у меня болят руки, – попросил Лысенков. – Хватит меня мучить.

– Тебя больше не тронут пальцем, только скажи правду, – Марьясов провел рукой по голове, почувствовав под пальцами влагу запутавшихся в волосах растаявших снежинок. –

Давай по порядку, все как было. Итак, вечером я тебе позвонил, попросил развести по домам гостей семинара. Позвонил именно тебе, потому что ты отогнал к своему дому микроавтобус. Так? У тебя же находился кейс, который ты должен был на следующий день доставить в Москву. Так? Ну, отвечай.

– Так, – Лысенков наклонил голову набок, вытер плечом кровотокающие губы. – Я на микроавтобусе ждал этих людей возле дворца культуры. Потом они вышли.

– Дальше, что дальше?

– Дальше четверо мужиков сели в машину, я уж трогаться хотел, но тут прибежал этот певец из кабака, Головченко, – Лысенков снова сплюнул на пол. – Он вышел первым, у своего дома. Остальных я довез до Москвы.

– А как в автобусе очутился кейс?

– А где мне его было оставить? – Лысенко шевелил языком с видимым усилием. – Хотел в подпол спрятать. А потом черт дернул взять с собой. Виноват. Скажите ему, – он кивнул на Васильева, – пусть меня больше не мучает. Пусть он мне развяжет руки.

Марьясов сердито засопел.

– Как получилось, что чемоданчик исчез? Ты можешь мне это объяснить?

– Не могу, – Лысенков помотал головой. – Перед Москвой, у самой окружной показалось, что заднее колесо жует резину. Я остановился и вышел из автобуса. Заменяю колесо, и мы поехали дальше. Чемоданчик лежал на переднем сидении рядом со мной, а они все сидели сзади, в салоне. Это до того, как я менял колесо. Когда я вернулся, не обратил внимания на чемоданчик. Не посмотрел, на месте ли он. Я виноват. Но пусть меня больше не мучают, – Лысенков заплакал.

Марьясов засунул руки в карманы пальто, отступил на шаг и глянул на Васильева.

– Он сказал, кто находился в автобусе, где вышли пассажиры и все такое прочее, все детали?

– Я для памяти записал.

Васильев вытащил из кармана мелко исписанный блокнот, приготовился читать, но Марьясов движением руки остановил его.

– Это потом, – сказал он и посмотрел на Лысенкова, на его блестящий, покрытый крупными каплями испарины лоб, водянистые сочащиеся слезами глаза. – Так ты все вспомнил?

– Я вспомнил все, – Лысенко давился слезами.

– Тогда вспоминай дальше. Вспоминай, почему из автобуса исчез кейс. Сиди и вспоминай.

– Ты слышал, сука? – вскрикнул Куницын каким-то тонким не своим голосом. – Тебе сказали: вспоминай.

Пресс-секретарь выскочил из-за спины Марьясова, по дороге схватив с подоконника кусок электропровода, разматал его. Наклонившись над Лысенковым, пятерней ухватив того за волосы, поднял голову курьера кверху.

– Еще не вспомнил, тупая задница? – Куницын, казалось, заскрипел зубами, но скрипели не зубы, а лаковые ковбойские сапоги с ушками. – Ты у меня все сейчас вспомнишь, парашник.

Куницын отступил на шаг, широко размахнулся и хлестнул Лысенкова двужильным электропроводом по лицу. Тот коротко вскрикнул, дернулся, едва не опрокинув кресло. Куницын снова размахнулся правой рукой, электропровод засвистел в воздухе, Лысенков охнул от боли, древнее кресло заскрипело, казалось, готовое развалиться на части. Марьясов отошел в сторону и сел на мягкий диван, покрытый цветным покрывалом в безвкусном восточном стиле. Васильев тронул за плечо Куницына, остановил его руку, занесенную для нового удара.

– Осади, ты глаза ему выхлестнешь, тогда он сдохнет. А мне он пока целый нужен. Вода там вскипела? – возвысив голос до крика, прогремел Васильев.

– Давно уж вскипела, – ответил какой-то мужчина из-за двери в кухню. – Оба ведра.

– Тащи ведро сюда.

– Что вы задумали? – Марьясов поднес зажигалку к кончику сигареты.

Васильев расстегнул пуговицы сорочки, скинул её и, остался в белой майке без рукавов.

– Для начала сварим ему кипятком ноги, а там видно будет. Попарим хорошенько, пока мясо с костей не отвалится. Если что знает, скажет обязательно. Тут, как говорится, двух мнений быть не может.

Лысенков икал и плакал на своем деревянном кресле. В комнату, сгибаясь под тяжестью большого ведра с кипятком, вошел молодой парень. Поставив ведро у ног Васильева, парень исчез на кухне и вернулся назад с белым эмалированным тазом.

– Вы, Владимир Андреевич, вышли бы отсюда, – повернулся к Марьясову Васильев. – А то здесь жарко будет, как в бане.

Марьясов поднялся с мягкого дивана, шагнул к Лысенкову.

– Сергей, через пару минут я не смогу для тебя ничего сделать. Ты перестанешь быть человеком. Подумай.

– Я сказал все, – Лысенков громко икнул. – Пусть он меня больше не мучает. Скажите ему.

– Игорь, пойдем на улицу.

Марьясов повернулся к пресс-секретарю, внимательно наблюдавшему за действиями Васильева.

– А можно я останусь? – Куницын посмотрел на Марьясова просительно. – Пожалуйста.

– Ну, как хочешь, я в машине.

Марьясов пожал плечами и быстро вышел из комнаты.

* * * *

Марьясов промаялся в машине около часа. Время от времени он поглядывал на освещенные окна дома, затуманенные горячим паром. Он курил, и, включив свет в салоне, пытался читать газету, но никак не мог сосредоточиться. Пару раз он выходил из машины, делал вокруг неё круги, снова занимал место на заднем сидении. Метель на улице не собиралась успокаиваться, напортив, становилась все злее, ветер тонким человечески выл где-то рядом, может, в печной трубе дома Лысенкова. Дальние огоньки цементного завода растворились в ночи и в снегу.

Фигура Куницына темной тенью отделилась от дома, когда Марьясов, уже совсем потерявший терпение, собирался снова по морозцу прогуляться вокруг автомобиля. Пресс-секретарь, устроился на переднем сиденье, обернулся назад, в полутьме его глаза горели странным неестественным возбуждением.

– Ну, Васильев постарался, – Куницын, пытаясь передать, как именно постарался Васильев и не находя слов, лишь с шумом выпустил из груди воздух. – Постарался, попотел... А Лысенкову через воронку влили в глотку литр водки. Вообще, несчастный случай, пьянка до добра не доводит, – Куницын хихикнул. – Любой двухнедельный покойник сейчас выглядит лучше него.

– И что Лысенков? – Марьясову неприятно было видеть глаза пресс-секретаря, горевшие яркими угольками.

– Готов, – Куницын перевел дух. – Видно, он и вправду знал не больше того, что рассказал. В последний момент ему уже не было никакого смысла врать.

Куницын, видимо, собирался сообщить ещё что-то, но остановился, поняв, что Марьясов не хочет знать подробностей.

– Лысенков что-нибудь ещё сказал перед смертью? – Марьясов вздохнул.

– Ничего такого. Он только спросил, сколько времени. И все, потом умер.

– Ладно. Чемодан придется найти.

– Васильев найдет. Где бы кейс ни находился, кто бы его ни украл, – сказал Куницын. – Васильев найдет обязательно.

Марьясов посмотрел на окна дома. Сейчас он отчетливо увидел, как в комнате, выливая на пол бензин из канистры, двигается Васильев, уже одетый в светлую дубленку. Рядом с ним беспорядочно суетился молодой парень, его помощник Трегубович. Отбросив пустую канистру в сторону, Васильев исчез из поля зрения, но уже через минуту появился на улице. Одно за другим выдавив два оконных стекла, он запалил газету и просунул горящую бумагу в комнату.

– Поехали, – Марьясов тронул водителя за плечо.

Глава вторая

Петр Росляков, осмотрев беглым невидящим взглядом стены собственной комнаты, приложил лоб к холодному оконному стеклу и проглотил застрявший в горле тошнотворный садкий комок. За окном улавливалось какое-то неясное движение, вечерние пешеходы в синих ранних сумерках похожие на бесплотные тени, преломлялись в замороженном стекле, появлялись и исчезали. Бесшумно, не касаясь мостовой, проплывали машины, похожие то ли на бесформенные дирижабли, то ли на серых слонов.

Росляков поежился, хотя в комнате было тепло.

То, что случилось сегодня, казалось дикостью совершенной, не укладывалось ни в какие привычные, давно сложившиеся понятия и представления о повседневной, человеческой жизни и будничном бытии. Оторвав лоб от стекла Росляков, словно стряхивая созерцательное оцепенение, тряхнул головой. Нужно, избавившись от лишних эмоций, посмотреть на вещи здраво и трезво, спокойно все обмозговать, что-то определенное решить для самого себя, а уж потом действовать. Главное не запаниковать.

Хотя легче всего поддаться чувствам, надеть глупостей, о которых наверняка в последствии придется жалеть. Поднять, например, телефонную трубку, дозвониться до милиции и отмотить что-нибудь этакое: «У меня тут небольшое происшествие, недоразумение, можно сказать, бытовая мелочь. Даже совестно, что вас побеспокоил. У меня в квартире незнакомый человек. Совершенно случайно встретились на совещании производителей. А фамилия его Овечкин. Если он не врет, то есть не врал. Потому что в данный момент он ничего сказать не может, потому что умер. То есть погиб. Диктую адрес...»

Нет, это не те слова, детский лепет. С милицией так не разговаривают. Еще подумают, что звонит умалишенный или, что скорее, преступник. Нет, эти слова никуда не годятся, так с милицией говорить не принято. «А как с милицией говорить принято?» – спросил себя Росляков и отступил от окна. Что делать? Что в таких ситуациях делают нормальные люди? Нормальные люди в такие ситуации не попадают. Во-первых, спросить совета не у кого, во-вторых, к тридцати годам пора стать взрослым человеком и научиться принимать решения. Теоретически – да, разумеется, пора... А практически, съевший зубы опытный мужик не только растеряется, это само собой, что растеряется, а запросто, сам того не заметив, с ума съедет. Так сказать, на обочину безумия.

Росляков прошелся взад-вперед по комнате. Наконец, пересилив себя, он мрачно сдвинул брови, вышел в коридор, шагнул в кухню. Вот он, Овечкин Анатолий Владимирович. В окровавленной на правом плече светлой рубашке с засученными по локоть рукавами, в брюках, задравшихся выше щиколоток, лицом вверх лежит себе поперек кухни и не дышит. Широко раскрытыми глазами безучастно уставился на горящую под потолком стосвечовую лампочку. Чувствуя предательски дрожь в коленях, Росляков, стараясь не наступить в лужицу растекшейся по кафельному полу крови, присел на корточки. Тошнота отступила, опустилась куда-то вниз, в желудок, грозя в любой момент вернуться. Теперь надо осмотреть Анатолия Владимировича – а там видно будет, там, глядишь, все само собой и решится.

Спасительные, остроумные решения всегда приходят неожиданно. Нужно только не волноваться. Эка невидаль, покойник. Ну, умер человек, погиб, его бояться нечего, если уж кого бояться – только живых. А тут просто бездушная плоть, манекен, – успокоил себя Росляков, но совсем не успокоился. Ощувив тяжелые толчки сердца в груди, он сглотнул новый сладкий комок, провел высохшим от волнения шершавым языком по небу. Лишь бы не стошнило. Он нагнулся ближе к голове Овечкина. Внимательно рассмотрел седой залитый кровью правый висок с черным отверстием. Кожа возле отверстия серовато-бледная, но здоровая, естествен-

ная, нет следа от порохового ожога. Значит, стреляли не в упор. Выходного отверстия нет, пуля осталась в голове.

Чисто лицо, ни синяков, ни ссадин. Росляков согнул в плече руку Овечкина. Еще мягкая рука, ещё как живая, хотя и холодная, трупное ооченение не началось. Значит, с момента смерти прошло не более четырех часов. Скорее всего, Овечкин застрелился сидя на стуле посередине кухни. Или его застрелили? Нет, первое вернее, застрелился. Вот, собственно, почти все выводы, что можно сделать. Росляков не судебный эксперт, даже не врач, всего-навсего газетный корреспондент. И не каждый день он находит трупы мало знакомых людей в собственной кухне.

Он встал на ноги и поднял с пола, из-под стола, пистолет Макарова, взвесил его на ладони, вытащил из ручки обойму. Выщелкнул из обоймы пять стандартных патронов девятого калибра, раскатившихся по столу. Он понюхал ствол, почувствовав кислый свежий запах сгоревшего пороха. Все, на этом самостоятельные изыскания можно считать законченными, – и пора обращаться, куда следует. Бросив косо взгляд на тело, он вышел в коридор, прошел в ванну и тщательно, с мылом вымыл руки.

Итак, надо звонить в милицию, от этого никуда не денешься, процедура крайне неприятная, но необходимая. Росляков вытер руки мятым полотенцем и сел на бортик ванной. Итак, милиция... Нужно обдумать все слова, все действия, чтобы не смешить людей и не ставить самого себя в щекотливое двусмысленное положение человека, вынужденного оправдываться в том, чего он не совершал.

Он звонит в милицию... Но в какую именно милицию он звонит, в ближайшее районное отделение или лучше сразу на Петровку? Не имеет значения, только скажи, что в твоей квартире лежит труп – и долго ждать не придется, приедут и те и другие, и местные и сыщики из ГУВД, плюс следователь прокуратуры, плюс эксперты и ещё чертова туча незнакомых людей.

Да, шума будет много. Народ возвращается с работы, а милиционеры весь дом на уши поставят: понятые, свидетели... После этого происшествия на него, Рослякова, будут показывать пальцем. Вот, убийца идет, мокрушник. Впрочем, квартиру можно будет поменять. Даже нужно.

Сволочь Овечкин, угораздило же его застрелиться именно здесь, на чужой кухне, в квартире почти незнакомому человеку, тоже выбрал место. Вышел бы хоть в парадное, спустился на этаж ниже и пустил себе пулю хоть в висок, хоть в задницу. Так нет, нужно ему именно в чужой квартире... Интересно, думает ли человек о тех неудобствах, что причинит своей гибелью окружающим людям? Если этот тип хоть о чем-то думал, так, может, жив остался.

* * * *

Мелкие мысли хаотично разбегались, уводили Рослякова куда-то в сторону от главного решения. Итак, он наберет номер: «Простите за беспокойство, но у меня тут в кухне труп незнакомому мужчины валяется. Не могли бы вы его, этот труп, забрать куда-нибудь? Пусть там у вас полежит где-нибудь, а то я боюсь покойников. Вот и прекрасно. Заранее благодарен». Нужно обдумать все слова, все мелочи. Росляков морщил лоб и чесал переносье, но ни одной дельной мысли в голову не пришло. Он поворачивал глазами, сорвался с места и вышел в прихожую к неожиданно зазвонившему телефону.

– Я тебе на работу звоню, а ты уже дома, – голос Марины показался Рослякову то ли взволнованным, то ли раздраженным. – Жду его, как дура... Мы на дне рождения должны быть уже к шести часам. Ты что забыл?

– Нет, конечно, не забыл, – Росляков плечом прижал трубку к уху и придвинул ближе стул. – Я помню, все помню. Как такое можно забыть? День рождения у человека, у приятеля. Только об этом и думаю. Предвкушаю.

– Тогда почему ты дома?

– Дома я почему? – переспросил он, уже успевший забыть, давно ли оказался в своей квартире и зачем сюда заехал. – Ну, завернул переодеться, костюм хотел надеть, рубашку свежую.

– Ах ты, умница, – голос Марины смягчился. – Во сколько мне тебя ждать?

– Ты знаешь что, – Росляков, собираясь с мыслями, потер уже покрасневший лоб, – ты вот что, ты меня вообще-то не жди. Я сегодня не смогу приехать, то есть на день рождения пойти не смогу. Никак. Все отменяется. Тут у меня дома такое, такое тут у меня... Один мужик... Короче, это совершенно не телефонный разговор, то есть абсолютно не телефонный.

– Что-то случилось?

– Случилось, – вздохнул Росляков. – Но не то чтобы серьезное, так неприятность небольшая. Мелочь. То есть не совсем мелочь, дело-то важное...

– Произошло что-то серьезное? – Марина взволнованно задышала в трубку. – Что случилось, Петя? Я немедленно приеду.

– Нет, только не приезжай, этого не надо, ты уже не успеешь меня застать, – встрепенулся Росляков. – Меня уже через пять минут не будет дома. Даже через три минуты. Я одетый стою в дверях. Шапка на голове.

– Можно узнать, в какую степь ты собрался?

– Да, можно узнать, – тупо повторил Росляков. – То есть я хотел сказать, что как раз этого узнать нельзя. Это сюрприз. Приятный сюрприз, для тебя приятный. Ты будешь в восторге, на седьмом небе будешь, даже выше.

– До чего мне надоело твое глупое бесконечное вранье, – Марина говорила, как плевалась. – Ты достал меня своей ложью. Ты только и делаешь, что постоянно врешь, врешь и снова врешь. Ты удовольствие от этого получаешь или как? Тебе нравится разыгрывать из себя дурака? Все, пошел к черту, – раздались короткие гудки отбоя.

Росляков вернулся в комнату, вытащил из стола записную книжку, в задумчивости перевернул несколько страниц. С кем из знакомых можно посоветоваться? С Маратом? Он юрист, правда, специализируется на гражданском праве, но хоть один дельный совет дать сможет? Нет, к Марату лучше не обращаться. Этот чистенький мальчик перепугается до смерти, само собой, намочит в штаны, перестанет слушать уже на середине и положит трубку. А потом подумает, подумает, ещё подумает. Он любит долго думать, обстоятельно. Подумает, да и стукнет. Не пройдет и получаса, звонок в дверь: «Откройте, милиция». Росляков перевернул ещё несколько листов блокнота.

Может, Николаю позвонить? Этот не испугается и не стукнет, но и совета дельного не даст. Еще в школе любая простейшая задачка его, тугодума от рождения, ставила в тупик. Дольный номер, с Колей только слова тратить попусту и выслушивать его девичьи вздохи, вопросы, полные искреннего идиотизма. Советов ждать не от кого, друзей у человека не находится, когда эти друзья особенно нужны, придется действовать самому, придется... Что придется? По идее, в квартире давно должна быть милиция. До её приезда нужно, по крайней мере, стереть собственные пальцы с пистолета и патронов, снарядить обойму, вложить пистолет в руку самоубийцы. Это первое. Затем следует придумать ответы на вопросы, которые ему зададут в первую очередь, сходу.

Его спросят: каким образом в твоей квартире оказался этот человек, Овечкин Анатолий Владимирович? Что ответить, сказать правду? Ну, Росляков побывал в области на совещании. В зале дворца культуры он сидел рядом с Овечкиным, вместе, в одном автобусе они вернулись? Выпили на банкете и обратной дорогой. Прилично так поддали. Овечкин пожаловался, что ему негде ночевать. Всегда отзывчивый, разомлевший от водки Росляков пригласил почти незнакомого человека к себе домой. На квартире ещё добавили. Кстати, сколько же они в общей сложности выпили? Если все суммировать? Немало, так скажем, немало.

Но утром Росляков все же нашел в себе силы встать, ополоснуть холодной водой лицо и отправиться на работу. А Овечкин? Позапрошлым утром он трупом лежал на диване, словно умер ещё тогда, не придя в себя после ночного выпивона. Он заворочался, скинул с груди тонкое одеяло, на минуту открыв глаза, он посмотрел на Рослякова, хрюкнул и вдруг сказал: «Что, страдаешь, Петя? Это, друг мой закон асфальтовых джунглей: чем лучше вечером, тем хуже утром». Сделав это неожиданное заявление, Овечкин отвернулся к стене, откинул руку за спину и совершил обратный переход, от бодрствования к глубокому сну. Росляков минуту постоял над распластанным на диване телом, собираясь предложить гостю одеться и покинуть гостеприимное жилище, но почему-то не решился разбудить Овечкина, сопевшего глубоко и ровно. «Когда надумаете уходить, просто захлопните дверь», – сказал Росляков. Овечкин, скорее всего, не услышал голоса хозяина. Росляков отправился на работу сочинять газетный отчет. В течение дня он трижды позвонил на квартиру, но трубку никто не поднимал. Выходит, ночной гость ушел. Но вечером выяснилось, что хозяин обрадовался преждевременно. Переступив порог квартиры, Росляков ещё в прихожей почувствовал табачный аромат тех крепких сигарет, которых сам не курил. Овечкин, расставив на кухонном столе батарею пивных бутылок, уставившись в экран маленького телевизора, внимательно смотрел выпуск новостей.

«Слушай, ничего если я ещё одну ночь у тебя, так сказать, перекантуюсь? – Овечкин повернулся к Рослякову и просительно склонил голову набок. – Ничего? Завтра меня здесь не будет». «Вообще-то у меня совсем другие планы, – честно признался Росляков. – На твое присутствие я как-то не очень рассчитывал». «Но ведь не на вокзал же мне идти на ночь глядя? Не в дом колхозника? – Овечкин кисло улыбнулся, словно допускал возможность того, что в дом колхозника идти все-таки придется. – Хотя бы кусочек сердца ещё остался в твоей груди?» «Сердца, может, и осталась самая малость, – нахмурился Росляков, чувствуя лишь усталость и неспособность к затяжному спору с Овечкиным. – Оставайся».

Теперь можно себя ругать последними словами, крыть в три этажа, можно вырвать клочок волос или посыпать голову табачным пеплом, это – на выбор. Реального положения вещей эти действия все равно не изменят. Овечкин с прострелянным виском отдыхает на кухонном полу, а он, Росляков, запутавшись в собственных мыслях, старается придумать что-то дельное, зная, что в таком состоянии способен лишь натворить новые неисправимые глупости.

* * * *

Новый телефонный звонок вывел Рослякова из пространной задумчивости, подскочив с дивана, он снял трубку второго аппарата, стоявшего на журнальном столике. На этот раз звонила мать.

– Думала, тебя уже не застану. Почему ты сейчас дома? Кажется, ты собирался к какому-то приятелю на день рождения?

– Разве собирался? – Росляков напряг память. – А, ну да, конечно, собирался. Но вышла заминка с этим делом, – он тянул время, стараясь что-то придумать. – Осечка с этим делом вышла. В последний момент все расстроилось. Именинник заболел.

– Надеюсь, не дурной болезнью? – Галина Павловна хмыкнула в трубку.

– Я тоже на это слабо надеюсь.

– Я, собственно, вот по какому поводу. Послезавтра твой отец приезжает, только что он мне звонил, поставил в известность. Мне звонил, потому что у тебя занято было.

– Вот как? – Росляков сразу решил для себя, что отец приезжает совсем не ко времени.

– Ты не рад?

– Почему же не рад. Я рад, я очень рад, просто очень. Хотя, честно говоря, я даже забыл, как отец выглядит. Ведь мы не виделись... Сколько же лет мы с ним не виделись?

– Это не важно. Кажется, твой отец плохо себя чувствует, он, кажется, серьезно заболел. Так я поняла. Впрочем, болезнь – вполне закономерный итог той жизни, которую он вел. В Москве он хочет показаться каким-то врачам, ему дали направление. Видимо, он остановится у тебя.

– У меня? В квартире у меня?

– Где же еще? Он небогатый человек, чтобы по гостиницам ночевать.

– А может, пусть у вас пока поживет, ну, хотя бы первое время?

– С какой стати ему жить у нас? Я против. И Николай Егорович будет возражать. Он ученый человек, профессор, он должен отдыхать после работы, ему нужно уединение, покой, а тут твой отец с сомнительными болячками. Нет, об этом и речи быть не может.

– Мне кажется, Николай Егорович как раз возражать не будет.

– Петя, это не предмет для обсуждения. Виктор Иванович твой отец, мне он никто, бывший муж – и только. И потом, почему Николай Егорович должен страдать, если твоему отцу нездоровится? Если у тебя в квартире как всегда не убрано, я могу приехать и убраться. Мне приехать?

– Нет, не надо приезжать, – встрепнулся Росляков. – У меня тут как раз все нормально. Как раз с работы пришел и думаю, чем бы заняться... И взялся за уборку. Решил все освежить, ну, пропылесосить и вообще посуду помыть. То есть, уже помыл, сейчас пыль со шкафа вытираю. Тряпочкой.

– На тебя это не похоже, – Галина Павловна назвала номер и время прибытия поезда. – Запиши. Ну, хорошо, ты хоть отца встретишь?

– Постараюсь, если смогу, точно не знаю, – сказал Росляков. – Время неудобное, могут с работы не отпустить. Но постараюсь отпроситься.

– Ты уж постарайся.

Галина Павловна, видимо, недовольная разговором, бросила трубку.

Росляков тоже опустил трубку, но тут же снял её, повертел в руках и снова положил на место. «Сейчас же, немедленно звоню в милицию, пусть приезжают, пусть задают любые вопросы на засыпку, пусть все будет, как будет», – решил он. В конце концов, он не может отвечать за каждого сумасшедшего, в воспаленную голову которого взбрело кончить счеты с жизнью на чужой кухне.

Деликатные люди для таких целей снимают гостиничный номер. А дальше по программе. Для начала нанимают красивую проститутку, затем выпивают перед кончиной бутылку хорошего вина, выкуривают дорогую сигару, пишут в адрес администрации записку с извинениями, намавливают бельевую веревку – все красиво, благородно и чисто. А тут, напакостил в чужой квартире... Хорошо хоть стрелял в висок, а не рот, не в небо, не в шею, хорошо хоть мозги себе не вышиб, полбашки не снес, иначе можно было утонуть в крови этого Овечкина, крупный мужик, и жидкости в нем много. А тут лужа небольшая, так, лужица...

Интересно, остался ли ещё в пачке стиральный порошок? Кровь легко смывается с кафельных плиток пола. А тело этого придурка в багажнике «Жигулей» можно вывести будущей ночью, скажем, за город или на Лосиный остров, или на худой конец в Измайловский парк. Там избавиться от груза, заодно выбросить и верхнюю одежду, ратиновое пальто, шарф и меховую шапку. И, разумеется, пистолет. Но Росляков этого не сделает, он вызовет милицию, ответит на все вопросы, а там пусть разбираются, пусть выясняют, как там у них это называется? Ну, мотивы или что-то в этом роде. Решено, он звонит в милицию. Окончательно и бесповоротно – решено.

Росляков упругой волевой походкой прошел на кухню, стараясь не смотреть в лицо покойника, ухватившись за щиколотки, задрал ноги Овечкина вверх. Пятясь спиной, потянул тело за собой в коридор. Открыв ногой дверь ванны, он сделал остановку, не выпуская из рук

щиколотки Овечкина, наклонил голову и стер плечом со лба неожиданно проступившую испарину.

Упираясь ногами в пол, он доволоч тело до ванной, ослабив хватку, бросил ноги и перевел дыхание. «Да, ты, Овечкин, тяжелый, как корова», – произнес он вслух, подошел к раковине и, пустив воду, снова вымыл руки. «Хорошо бы его расчленить, так сказать, для компактности, – вслух сказал Росляков, сам не понимая, шутит он или рассуждает серьезно. – Да, интересная картина, достойная пера великих живописцев: „Корреспондент столичной газеты Росляков расчленяет в ванной предпринимателя Овечкина“. Росляков нервно хихикнул. „Боже мой, неужели я делаю это? – он прыснул на лицо холодной воды и честно ответил самому себе. – Да, я это делаю. Дикий факт, но это факт. Только вот расчленить господина Овечкина я, увы, не смогу. Пожалуй, на эту операцию духу не хватит“. Росляков снова захихикал, показалось, мышцы лица свело судорогой.

Он присел на корточки сзади тела, сцепил пальцы рук замком на груди Овечкина, распрямившись, приподнял тело за плечи, перевалил его через бортик ванной. «Вот здесь, в ванной, пока и посиди, до лучших времен», – Росляков перевел дыхание.

Он погасил в ванной свет, прошел на кухню и, устроившись на стуле, сунул в рот сигарету. Покатал ладонью по столу пистолетные патроны, стряхнул пепел мимо морской раковины, служившей пепельницей. На спинке второго стула висел темно синий пиджак Овечкина, только сегодня оставленный здесь своим покойным хозяином. Росляков, протянув руку, пошарил в одном внутреннем кармане, затем в другом, выложил на стол бумажник, перьевую ручку, новую, видимо, недавно начатую записную книжку. Больше ничего, только полупустой пакетик орешков. Росляков задумчиво полистал записную книжку и отложил её в сторону. «Что же мне с тобой делать, Овечкин?» – Росляков вытащил из пачки новую сигарету. «Что же мне делать с тобой, дорогой мой человек?» – Росляков готов был истерически в голос рассмеяться или, напротив, разрыдаться от бессилия, от невозможности что-либо исправить.

Но ничего исправить Росляков не мог.

Глава третья

Люди расходились с кладбища, спеша укрыться от пронзительного ветра и снега в теплом автобусе, приткнувшись возле распахнутых настееж ворот. Марьясов, поправляя ленты на венках, дольше других задержался у свежей могилы своего бывшего водителя и порученца Лысенкова. Наконец, Марьясов, завершая церемонию прощания на высокой ноте, утробно высморкался в большой свежий платок, стер со щеки холодную слезинку и отошел от могилы. Выйдя на центральную аллею, он зашагал размашисто и так скоро, что пресс-секретарь Павел Куницын, то и дело оступаясь на ровном месте, скользя по снегу гладкими подошвами модных башмаков, едва поспевал за начальником. Миновав кладбищенскую церковь и наполовину утонувшую в снегу часовенку, Марьясов нагнал женщину в шубе и черном платке поверх меховой шапки, неторопливо бредущую к выходу, тронул её за плечо.

– Вера Ивановна, на минуточку, – Марьясов снял перчатки, сунул их в карманы пальто. – Только хотел сказать, что на поминки не поеду.

– Как же так? – старшая сестра Лысенкова глядела на него снизу вверх мутными от слез глазами. – А я на вас так надеялась. Вы ведь Сережин начальник... Сколько лет вместе поработали...

– В Москву срочно вызывают по делам, – Марьясов печально покачал головой. – Его смерть мои дела не отменяет.

– Жалко, как жалко, – Лысенкова, кажется, готова была снова разрыдаться. – Помянули бы по-человечески, да и ехали...

– Мы его обязательно помянем промеж своих, – пообещал Марьясов. – А так я ведь сделал все, что мог. Вы на меня не в обиде?

– Что вы, что вы, – женщина сгибала и разгибала короткие красные пальцы, похожие на крабовые клешни. – Вы и с похоронами похлопотали, и зал, кафе это для поминок арендовали, и деньгами...

– Вот и ладно, что не обижаетесь, – кивнул Марьясов. – Жалко Сергея, так жалко, что сердце разрывается, – Марьясов приложил ладонь к груди. – Давно известно, что смерть лучших из нас выбирает.

– Лучших она выбирает, – неожиданно передразнила женщина и шмыгнула носом. – Был бы трезвый той ночью, так и жил бы себе. А он напился, да ещё канистру с бензином зачем-то в дом приволок. Лучших... Нечего было пить. Такаю смерть страшную себе выбрал.

– Я разговаривал с экспертом, – Марьясов нахмурился, словно давая понять, как трудно ему сейчас говорить о подробностях гибели близкого человека. – Так вот, он объяснил, что Сережа, видимо, сперва задохнулся угарным газом, а потом уж сгорел. Уже мертвый. Умер он безболезненно, как уснул.

– Спасибо вам.

Женщина попыталась обнять Марьясова обеими руками, но тот ловко ускользнул от объятий, отступил на шаг и каблуком сапога отдал ногу безмолвно стоявшему за его спиной пресс-секретарю. Куницын тихо охнул, выразительно поморщился и стал сосредоточено растирать пальцами кончик покрасневшего носа.

– Я лишь долг свой выполнил. А чужого горя не бывает.

– Не бывает чужого горя, – вздохнула Лысенкова.

– Не был мне Сережа чужим человеком, он как сын мне, как брат. А, что говорить... Словами этого все равно не выразить, не передать этого словами, и слезами не выплакать, – Марьясов шлепнул себя ладонью по груди, словно перешибая стоны, рвавшиеся из этой самой груди. – Да, такое горе, – Марьясов смахнул с правого глаза снежинку.

Он замолчал, решив, что насчет сына и брата, которым ему якобы доводился покойный Лысенков, он явно перегнул палку, переусердствовал в образном красноречии до смешного. И вообще вся эта слезливая патетика совершенно ни к чему, только вреда наделаешь. Как бы эта клуша, сестра Лысенкова, не приняла его слова за чистую монету и не стала приставать со всякими глупыми просьбами. Видимо, чего-чего, а всяких просьб у неё скопилось немало, мешок целый. Впрочем, плевать на нее. Грустными глазами он осмотрел высокие наросты сугробов на могилах. Из рта, словно сама светлая душа, вылетело и исчезло голубое облачко пара.

– Спасибо вам, – повторила Лысенкова.

Марьясов кивнул головой и, сопровождаемый отставшим на полшага Куницыным, быстро зашагал к машине.

* * * *

По делам в Москву Марьясов, разумеется, не собирался, с кладбища он покатил в выкупленный под офис особняк на улице пионера Воронова. Войдя с мороза в помещение, ещё хранившее после ремонта запах масляной краски и обойного клея, Марьясов раздумялся, попросил принести в кабинет крепкого чая с лимоном и бутерброды. Куницын, до костей промерзший на кладбище и рассчитывавший разделить скромную трапезу начальника, засуетился, принимая у того пальто и меховую шапку, пристроил одежду в стенном шкафу и, отдышавшись после трудов, развалился на диванчике в уголке кабинета. Секретарь принесла и составила с подноса на низкий журнальный столик чай, печенье и бутерброды.

– Можно?

Марьясов повернул голову на голос. Не ожидая ответа, в кабинет шагнул Васильев, на ходу расстегнув пуговицу пиджака, он сел на диванчик, заставив Куницына, увлеченно жуящего бутерброд, потесниться.

– Что-то удалось узнать? – Марьясов задал вопрос, продолжая раздумывать о том выпить ли коньяка сейчас или часок повременить до обеда.

– Да, кое-что, – кивнул Васильев. – Собственно, для начала я проанализировал все то, что сказал перед смертью Лысенков, – Васильев заворочался на скрипучем диванчике, полез во внутренний карман пиджака и зашуршал листками записной книжки. – Врать ему не было никакого смысла. Момент истины. Да, мало кто из людей умеет достойно умереть...

– Ну, давай без этой загробной философии, – Марьясов снова поморщился. – Кто умеет умереть, кто не умеет... Чушь все это. Нужно найти чемодан. Об этом и рассказывай.

– Я обдумал все слова Лысенкова, – Васильев погладил двумя пальцами тонкие щегольские усики. – Получается вот что. В автобусе помимо самого Лысенкова находились следующие лица. Певец из местного кабака Головченко. Он вышел раньше всех у своего дома. Его можно вычеркнуть из нашего списка. Условно вычеркнуть, но оставить на заметке. Далее... Некто Рыбаков Василий Васильевич. Он отпустил своего водителя ещё утром, перед началом совещания. Сказал, что до Москвы как-нибудь сам доберется.

– С этим я лично не знаком, но фамилию его слышал, – Марьясов подлил в стакан заварки, бросил ещё один ломтик лимона и стал мять его ложкой.

– Личность этого Рыбакова я выяснил, – сказал Васильев. – Это без проблем. Имеет сельскохозяйственное образование, начинал агрономом в каком-то захолустье. Защитил кандидатскую, но научную карьеру не сделал. Рыбаков вообще по натуре практик. Занимается переработкой сельскохозяйственной продукции, своя сыроварня, колбасный и копильный цех, собирается теплицы строить и ещё что-то. Короче, крестьянин, навозная душа.

– Точно, точно, помню его, – прищурился Марьясов.

– Думаю, этот Рыбаков не наш кандидат, – Васильев покачал головой. – Не тот человек, такой к чужому чемодану не притронется. Впрочем, черт его знает, может, у него клептома-

ния или ещё какая заразная болезнь. Рыбаков человек обеспеченный, не шпана какая-нибудь. Свое дело, особняк в Подмосковье, четырехкомнатная квартира в центре Москвы и ещё кое-какая недвижимость. Жена домохозяйка. Дочери Татьяне девятнадцать лет, живет с родителями. В Москве из автобуса Рыбаков вышел первым, собирался поймать такси. Факт, казалось бы, незначительный. Но в общем, контексте этот поступок можно оценить по-разному. Зачем выходить из автобуса, если в нем тебя довезут прямо до дома?

– Откуда у тебя вся эта информация? – Марьясов сладко зевнул.

– Все старик Пантелеев, помощник нашего мэра, – ответил Васильев. – Он помогал составлять списки людей, которых собрались пригласить на семинар.

– Вот как, Пантелеев? – Марьясов хмыкнул. – Этот старый козел ещё жив, ещё ходит? Господи, когда же его, наконец, похоронят?

Васильев повертел в руках записную книжку, перевернул страницу.

– Еще одним пассажир некто Мосоловский Вадим Сергеевич. Житель Москвы, сорок четыре года, трижды разведен, в настоящее время живет с престарелым отцом. У Мосоловского свой бизнес в Москве, ему принадлежат два продовольственных магазина, он имеет долю в одном из автотехцентров. Одно время импортировал пиво из Чехии и Германии. Он, судя по отзывам, очень пробивной тип, со связями.

– Со связями, – хихикнул Павел Куницын. – В наш город он бы и не сунулся со своим пивом. Иначе наелся бы битого стекла от бутылок. У нас здесь своя монополия. Правильно, Владимир Андреевич?

– Помолчи, – Марьясов нахмурился.

– Мосоловского пригласили по старой памяти, – продолжил Васильев. – Он начинал в Подмосковье. Его помнят, вот и позвали. Он не стал отказываться. Не то, чтобы это совещание каким-то боком интересовало Мосоловского, но, видимо, он решил, что старым приятелям отказывать неудобно, и согласился приехать. По дороге сюда у него сломалась машина. Он оставил водителя на трассе копать в моторе, а сам добрался до дворца культуры на попутке.

– По твоему, получается, украсть портфель некому, – Марьясов хмыкнул. – Все пассажиры респектабельные люди. Тем не менее, портфель пропал.

– Я ещё не закончил. Так вот, в том же автобусе ехал корреспондент газеты Росляков, наверняка вы его запомнили. Он много крутился в фойе и успел всем надоесть. Развязный тип, из тех людей, кому наглость заменяет чувство собственного достоинства. Когда началась неофициальная часть, ну, что-то вроде фуршета, он тоже поусердствовал. То ли он кого-то пытался напоить до поросычьего визга, то ли Рослякова пытались напоить. Анекдоты похабные рассказывал. Все повторял, мол, если городской мэр трезвый, пусть того немедленно приведут к Рослякову, он хочет разговаривать с мэром. А когда мэр так и не появился, Росляков сказал про него, – Васильев произнес длинное грязное ругательство.

– Ну, с этой оценкой мэра и я согласен, – склонил голову Марьясов. – Этот Росляков в какой-то степени опасен? У журналистов часто бывают всякие связи и знакомства.

– Не опасен ни в малейшей степени, – покачал головой Васильев. – Если бы у него были сколько-нибудь значительные связи, он не работал рядовым корреспондентом, в тридцать-то один год. Несколько лет в газете – и до сих пор никаких перспектив.

– Может, у него таланту нет? – предположил Куницын.

– Какая связь между талантом и продвижением по службе? – удивился Васильев. – Ничтожество этот Росляков, полный придурок.

– Да, тридцать лет человеку, а он все корреспондент, – сказал Марьясов. – Это невольно наводит на размышления об умственных способностях человека.

– Говорю же, полный придурок, – повторил Васильев. – При всем том вряд ли он решится на кражу чужого чемодана. Ну, бутылку во время фуршета со стола стянуть, это в его стиле,

его почерк. Но чемодан из чужой машины? Нет, вряд ли бы Росляков протянул к нему руку. Или я совсем не разбираюсь в людях.

– И кто же последний, четвертый, из этой компании?

– Как раз этот четвертый по фамилии Овечкин и вызывает беспокойство, то есть наибольшее подозрение. О нем не известно ничего или почти ничего. Без году неделю работает коммерческим директором в фирме с редким оригинальным названием «Прогресс», зарегистрированную в Москве. Эта лавочка занимается импортом и оптовыми продажами турецкого и индийского линолеума и ковровых покрытий. Овечкина на эту должность взяли случайно, по объявлению в газете. Долго не могли найти человека с образованием и опытом работы, дали объявление, в числе прочих приперся этот Овечкин. Ну, и взяли его. На совещание приглашали директора «Прогресса», но тот то ли заболел, то ли не захотел тратить выходной день на всю эту ерунду, короче, прислал вместо себя нового коммерческого директора.

– А почему на областное совещание приглашают какого-то московского хмыря, который торгует линолеумом? – Марьясов фыркнул.

– Эта фирма поставляла ковровое покрытие для нового здания мэрии.

– Разумеется, приглашают всякий сброд, совещания устраивают, чтобы губернатору пыль в глаза пустить, – Куницын снял очки и стал протирать стекла носовым платком. – Чего удивляться, когда у самого уважаемого в городе человека, – он, близоруко щурясь, посмотрел на Марьясов, – когда у такого человека вещи ценные пропадают. Рупь за сто, что чемодан спер этот Овечкин, больше никому.

– Я бы не стал торопиться с выводами, – помотал головой Васильев. – В дороге все эти ребята весело проводили время, выпивали, закусывали. Травили анекдоты, а Росляков, зациклившись на том, что не поговорил с мэром, продолжал его оскорблять. А когда Лысенков выходил из автобуса менять колесо, все четверо оставались в салоне. А они, выпивши, не следили друг за другом, темно было и настроение приподнятое. Теоретически шансы украсть чемодан у всех равные.

– Вот именно, из этого и надо исходить, – кивнул Марьясов. – Именно из этого, что шансы равные.

– Но ещё одна деталь, – Васильев спрятал записную книжку в кармане. – Никто из пассажиров не доехал на автобусе до дома. Первым сошел Рыбаков, сказал, что поймает такси. Не проехали и двух кварталов, Мосоловский решил, что и он поймает машину. У ближайшей станции метро вышли Росляков и Овечкин. Странная, подозрительная спешка. С чего это они вдруг разбежались? Бедняга Лысенков, по его же словам, хватился чемодана лишь, когда остался в автобусе один. И ещё вот что. Сегодня у нас среда, а чемодан пропал в прошлую субботу. Я навел справки, уже три дня Овечкин не показывается на службе, он даже не предупредил никого по телефону о том, что не выйдет на работу. В «Прогрессе» беспокоятся. Там, как оказалось, даже не знают его домашнего адреса и телефона. Только теперь они выяснили, что в его анкете указан адрес, по которому Овечкин не проживает более года.

– М-да, занятная история, – Марьясов нахмурился.

– А теперь могу я задать один вопрос? – Васильев посмотрел на Марьясова. – Что было в том чемодане?

– Задать вопрос ты можешь. Но ответа не будет. Лишнее знание – лишний груз. Или ещё на эту тему: многие знания – многие печали. Тебе надо помнить, что это был темно коричневый кейс «Самсонит», изготовленный на заказ, тяжелый, изнутри из специального стального сплава, с номерным секретным замком, вес вместе с содержимым – примерно десять килограммов. Может, он один такой на всю Москву и область.

– Трудно искать, точно не зная, что ищешь, – Васильев поднялся и шагнул к двери.

Глава четвертая

Поезд, на котором должен был приехать отец, разумеется, безбожно опоздал. Росляков в мокрой от снега и дождя куртке, не зная чем себя занять, уже второй час бестолково топтался на вокзальном перроне, мешая пассажирам. Он долго стоял у табло с расписанием прибытия поездов, делал круги возле коммерческих палаток, где ничего не собирался покупать, лишь бессмысленными глазами разглядывал выставленный товарец и даже, не понятно зачем, приценился к самосвязанным ритузам, которые с рук продавала подозрительного вида женщина с синяком под глазом. Иногда он посматривал на наручные часы, поднося запястье близко к глазам, затем поднимал голову, в очередной раз сверял время с электронными вокзальными часами.

Снег с дождем припустил с новой силой. Чтобы не мешать пассажирам, снующим взад-вперед по мокрому перрону, Росляков отошел за металлическую опору, под навес, вытащил из кармана мятую пачку сигарет и спал вспоминать, давно ли он кого-то встречал на вокзале. Росляков поднял воротник куртки, но тут люди на перроне пришли в движение, что-то громко и неразборчиво выкрикнул носильщик, покатил вперед себя оранжевую заметную издали телегу, проснулся металлический голос в репродукторе, объявив, на какую именно платформу прибывает поезд, люди засуетились, побежали носильщики. Значит, затянувшееся ожидание окончилось. Надо и ему торопиться на третий путь, спешить за носильщиками и встречающими.

Отца он заметил сразу, когда тот, одной рукой хватаясь за поручень, другой, держа чемодан впереди себя, легко спустился по ступенькам на перрон. Росляков хотел что-то крикнуть отцу, позвать его, но только высоко поднял руку и взмахнул ей в воздухе. Протиснувшись вперед, он чуть не столкнулся грудью с отцом, встретился с ним глазами и застыл на месте, не зная, что делать дальше, что положено делать в тех случаях, когда не виделся с близким человеком много лет – и вот теперь он перед тобой. Росляков, не зная, что делать, то ли обнять отца, то ли ограничиться рукопожатием, испытал странное ни на что не похожее чувство растерянности.

Пассажиры напирали сзади, толкали отца в спину, а он все стоял перед Росляковым и, не говоря ни слова, внимательно смотрел в глаза сына, не выпуская большого желтого чемодана из левой руки, хотя мог запросто поставить его на перрон. Отец сделал первый шаг, свободной рукой обнял Рослякова за плечи, на пару секунд прижался к щеке пригнувшего голову сына своей щекой, колючей, с трехдневной пегой щетиной. Росляков во время вокзального ожидания придумал множество разных слов, которые непременно должен сказать отцу ещё в первую же минуту их встречи. Это были умные слова, там было что-то вроде «время-то как бежит, не догонишь» или «надо же, сколько лет прошло, а ты, отец совсем не изменился, ни капли» и ещё что-то такое, лирическое. Да, это были те самые слова, подходящие к месту и ко времени, но почему-то все они застряли где-то в горле, так и остались несказанными.

– Давай чемодан, отец.

– Он не тяжелый, сам донесу, – отец смотрел на сына и раскачивал чемодан в руке.

– Отец, сколько лет мы не виделись?

– Считать не хочется, – свободной рукой Виктор Иванович хлопнул сына по плечу.

– А на этот раз ты приехал...

– Ты хочешь спросить, зачем я приехал, за какой нуждой?

Медленно дошагав до конца перрона, они вышли на широкую вокзальную площадь. Виктор Иванович перебрал чемодан из руки в руку.

– Ну, первое и самое главное – на тебя взглянуть. И ещё кое на кого, так, на старых приятелей. У тебя немного поживу, осмотрюсь. Сейчас я, коренной москвич, чувствую себя здесь дремучим провинциалом.

– Мать говорила другое, – Росляков втянул носом влажный воздух, замешанный на запахе угольной крошки и горелого мазута, ловко свернул разговор на другую тему. – Она говорила, твои тамошние доктора обнаружили у тебя какую-то неприятную штуковину, болезнь какую-то.

– Болезнь – это сильно сказано. Нет хуже, когда мужчины в своем кругу заводят разговор о всяких хворях, болячках. Это уже полный караул.

Росляков, переворачивая в кармане связку ключей, остановился перед входом на платную автомобильную стоянку, высоко подняв голову, глубоко задышал, постоял так минуту другую, будто в отвратительной погоде находил понятную лишь ему одному неизъяснимую прелесть. Надо было решать, надо было объясниться, но он молчал. Виктор Иванович топтался перед сыном, перекладывая из руки в руку чемодан. Когда молчание сделалось и вовсе невыносимым, Росляков кашлянул в кулак, почесал пальцами лоб.

– Значит, ты прямо с поезда ко мне решил?

– К тебе, – кивнул Виктор Иванович. – Других вариантов не предусматривал, честно.

– Это правильно, что ко мне, – делано обрадовался Росляков. – Правильно, что так решил. Именно так. Прямо с вокзала – и ко мне. А с дороги первым делом душ принять или ванну горячую.

Росляков залпом выпалил последние слова и тут же пожалел о них. Если это черный юмор, то понятен этот юмор лишь ему одному, Рослякову. Но если привезти отца домой, то он уж непременно первым делом примет ванну, только придется ему это делать не одному, а в компании, с неким совершенно незнакомым гражданином, к тому же находящимся далеко не в лучшей форме. Короче, мыться придется вместе с мертвяком. Нет, это уж через чур. И как объяснить всю эту петрушку с покойником? «Понимаешь ли, папа, попал тут ко мне по случаю покойник по фамилии Овечкин. Вот я его и храню до лучших времен, пока не представится случай вывести брненное тело куда-нибудь за город, ну, в лес, например. Или в речушку под лед пустить. И вот господин Овечкин лежит себе полеживает в моей ванной, дожидаясь удобного момента. А мне с ним, между нами, одни неудобства». Так что ли отцу все объяснить? И думать об этом нечего. Полный идиотизм.

– И машина твоя где?

– Да здесь, вот она стоит, «жигуль», белый. Здесь машина, доедем.

– Ты какой-то, Петя, на себя не похожий, не выпался что ли?

– На работе совсем загоняли, – соврал Росляков и тут же добавил слова правды. – И не выпался тоже. День с ночью давно уже перепутал.

– Так мы едем, наконец, хоть куда-нибудь?

Виктор Иванович, поставив чемодан на мостовую, прикурил сигарету, закрывая пламя двумя горстями.

– Отец, я должен был сказать тебе это с самого начала, – Росляков закашлялся. – Такое дело вышло, такое дело... Короче, переночевать тебе у меня сегодня никак не удастся. Трудно объяснить почему

– Ты можешь ничего не объяснять, – Виктор Иванович улыбнулся. – Нельзя, значит не можно. Просто за годы моего отсутствия у тебя могли накопиться некоторые дела. А их одним днем не решить?

– Значит, ты не обижаешься? А то я переживал... Все так неожиданно получилось...

– Ничего страшного, со всяким бывает, – отец подмигнул сыну одним глазом. – А вечером посидеть где-нибудь мы сможем?

– Этим вечером не сможем, никак. А завтра, послезавтра – сколько угодно.

- Ладно, топай, – Виктор Иванович подхватил чемодан.
- Я подвезу тебя до любой гостиницы
- Сам доеду. Не хочу обременять.
- Ладно, тогда я пошел?

Росляков непроизвольно поднимал и опускал плечи, обтянутые сырой тесноватой курткой. Он отступил как-то боком, неловко, широкими шагами дошел до машины, сел за руль, быстро тронул с места, на выезде расплатился с дежурным по стоянке. Когда вокзальная площадь уже готова была скрыться за поворотом, Росляков в зеркальце заднего вида углядел отца, неподвижно стоявшего на тротуаре, так и не сошедшего с места. У ног отца светился желтый немодный чемоданчик.

* * * *

Росляков разлил по рюмочкам водку и предложил тост за мужскую дружбу. В компании двух ханыг, которые по-хозяйски расселись на его кухне, совершенно необязательно быть веле-речивым и вообще соблюдать даже примитивные нормы приличия. Но себя не переделаешь, раз уж поднял рюмку, нужно что-то сказать, хоть глупость какую, хоть что, это привычка. Гости Рослякова, вечно пребывавшие в полуобморочном похмелье, давно забывшие, когда брали в рот человеческую еду, словно не верили происходящему, часто смаргивали глазами и ошалело тарасились на стол, центром которого стала большая початая бутылка «столичной». А вокруг бутылки на белых тарелках лоснились прозрачным жирком ломти любительской колбасы, краснела килька в томате, а крупные соленые огурцы своими помятыми боками внушали гостям священные чувства.

- Так за дружбу?

Росляков чокнулся с рядом сидящим Костей, седым мужичком, непрерывно сглатывающим набегающую слюну и не отрывающим гипнотического взгляда от бутылки, потянулся рюмкой через стол к Гарику, персонажу помоложе, а, может, наоборот, постарше. Не разберешь их возраст. Тот, бережно, изо всех сил удерживая рюмку непослушными какими-то сучковатыми темными пальцами, что-то пролепетал себе под нос и, выпив, не потянулся к закуске, а лишь поднес к носу кулак, втянул в себя дух давно не мытого тела. Росляков по-своему истолковал этот жест и даже обрадовался своей догадке.

- Что, после первой не закусывают?

Взяв бутылку, он быстро накатил три рюмки, на этот раз, предложив тост за крепкую мужскую дружбу и мужскую же солидарность. Собутыльщики Рослякова тяжело хмуро молчали, но рюмки подняли и, едва чокнувшись с хозяином, в один глоток осушили стопки до дна. Всей жизнью, всем бытием, всем тягостным ежедневным выживанием гости Рослякова вывели для себя непоколебимое правило: не бывает бесплатной водки, тем более закуски бесплатной не бывает, чем-то придется расплачиваться, это ясно. Слова о дружбе и всяком таком – низкая туфта. Вопрос – чем расплачиваться...

Гарик, как старший в компании, поживший, опытный, разменявший пятый десяток человек, ждал от Рослякова какого-нибудь подвоха, мерзости, самого грязного предложения, а пока терялся в догадках. Что нужно от них этому чистенькому фраерку? Малолетку с улицы притащить? Руки ноги подержать, пока хозяин хаты сделает свое дело? Это в принципе можно, это ещё куда ни шло. Потом хозяин наверняка и денег даст, хоть сколько, но обязательно даст. За молчание. Да, это можно, если с малолеткой. И самим, глядишь, кусочек сладенького достанется, хотя это дело десятое, это даже и не важно. Гарик сосредоточено, хмуря лоб, размышлял, строил догадки, но так и не мог понять правил игры, в которую его втянули.

- Да вы ешьте, не стесняйтесь, тут, как говорится, все без дипломатического протокола.

Росляков старался войти в роль радушного хозяина, но получалось фальшиво. И вдохновения не появлялось, а больше всего мешал тошнотворно кислый запах, исходивший от ближнего соседа, от Кости. Пересилив себя, Росляков подцепил на вилку кусок колбасы и стал сосредоточено жевать, подавая пример новым приятелям. Чтобы разжечь аппетит гостей, он хотел добавить, что колбаска хоть куда, совсем свеженькая. Костя, не дожидаясь второго приглашения, взял кружок кусок колбасы рукой, сложил его вдвое, сунул в рот и быстро проглотил. Другую руку он запустил в гриву стоящих дыбом волос и начал с видимым удовольствием чесать голову. Росляков инстинктивно отодвинул свой стул в сторону. Санэпидемстанцию придется вызывать после этих джентльменов, – решил он.

– Мало сожрать могу, – сказал Костя. – Не лезет. Желудок сузился. Он, желудок, сжимается, когда долго не жрешь. А жалко.

– Знамо дело, – поддержал разговор с другой стороны стола Гарик. – Ты неделями не жрешь, а только во, – он щелкнул себя пальцем по далеко выпирающему из жилистой шеи кадыку. – А надо хоть маленько, но каждый день поесть. Хоть ложку.

– Так аппетиту совсем нет, – голос Кости стал жалобным. – Пока не выпьешь, нету.

– Ты и выпьешь, все равно нету аппетита, – Гарик пригладил рукой пегие волосы, такие кудрявые, будто половину сегодняшнего утра он завивался раскаленной вилкой.

Росляков молчал, не зная, как поддержать гастрономический спор гостей и чью сторону в этом споре принять. Он с тоской в сердце думал, что вот сейчас, как только гости раскумарятся, придется выслушать их рассказы о тяжелой прожитой, сломанной по воле злых людей жизни, её печальном нынешнем исходе. Лучшие года позади, теперь Костя с Гариком живут там, где и положено жить хорошим людям в плохом обществе, вообще, живут они в мусорном баке. Росляков снова принялся, передвинул стул ещё дальше, в торец стола. Но спасения от дурных запахов и здесь не было.

Он закурил, вытащив сигарету не из той заляпанной чужими руками пачки, что лежала на столе, а из той, что торчала из нагрудного кармана рубашки. Дай Бог сегодня все кончится, а веселое застолье с двумя этими придурками лишь скромная плата за собственную глупость. Как только за окном исчезнут последние прохожие, он подгонит машину к подъезду и откроет багажник, а эти двое помогут затолкать в него труп Овечкина. Денежный расчет прямо на месте, сколько спросят, столько он и заплатит. Задача простая, как репа, как эти соленые огурцы на столе, как водка в рюмке. Он искал подходящих помощников вчера, после встречи отца на вокзале, но кандидаты попадались как на подбор тщедушные и совсем пьяные, сами ели ноги волокля, а в этом деле требовалась какая никакая физическая сила. Поблуждав в подземных переходах Курского вокзала, Росляков перенес операцию на следующий день.

Сегодня повезло больше: Гарика с Костей он приметил издали. В первых сумерках они гуськом пересекали сквер возле дома Рослякова, стремясь в неизвестность зимнего вечера, холодного и пустого, как почти все зимние вечера. Срезав угол по снежной нетоптаной целине, Росляков догнал бродяг, сходу предложил им выпивку и закуску. Столь заманчивое предложение почему-то долго не находило ответного отклика. Спутники долго переглядывались, обменивались друг с другом короткими междометиями, осматривали Рослякова и так и эдак, и, кажется, уже готовы были отказаться. «Да я один, – объяснял Росляков, – один пить не могу, не лезет». Взяв на вооружение красноречивый язык мимики и жестов, он разводил в стороны руки, виновато улыбался, строил какие-то просительные рожи, но лед взаимного недоверия таял совсем не быстро.

«Это тебе-то выпить не с кем?» – Гарик, мотал седой кучерявой, как у старого барана головой, шурился и сквозь зубы сплевывал на снег. «А что, с тобой такого не бывало?» – начал злиться Росляков. «Такого со мной никогда не бывало», – упорствовал Гарик. «Не меряй всех по себе, – подал голос Костя. – Может, у человека случилось что». «Вот именно, может,

у меня что случилось», – сказал Росляков, уже готовый снова перенести дело на следующий день. «Живешь-то ты где?» – слабое сопротивление Гарика было сломлено.

Росляков встrepенулся, услышав телефонный звонок, вышел в прихожую и, сказав «але», прикрыл мембрану ладонью. Гости за столом заспорили громче. Оказывается, звонил отец.

– Что-то не могу тебя поймать ни дома, ни на работе, – сказал он. – Думал, мы сегодня с тобой посидим.

– Я тоже рассчитывал посидеть с тобой, но начальство не выбирают, оно выбирает нас, – Росляков придумывал убедительный ответ. – Это как с женщинами, правда? А мой начальник Крошкин насел на меня, припахал делать большой отчет об одном совещании, даже с работы отпустил, чтобы меня никто дома не отвлекал. Вот и сижу за письменным столом, головы не поднимая. К ночи закончу, не раньше. Сделал себе кофе покрепче, бутерброды и сижу.

– Ясно, тогда желаю успехов.

– Слушай, ты показывался сегодня врачу? – запоздало вспомнил Росляков. – У меня совсем мозги набекрень с этим отчетом.

– Меня только записали на прием, – сказал отец.

– А где ты устроился, откуда звонишь?

Виктор Иванович назвал дешевую гостиницу на городской окраине.

– И как там, ну, условия и все такое?

– Не беспокойся, я жил в местах и похуже. Значит, до завтра?

– Завтра – железно, – пообещал Росляков неуверенным голосом. – А вообще-то, все будет завесить от сегодняшнего вечера. Ну, как управлюсь с этим отчетом. Очень трудоемкая работа и неприятная. Это только на первый взгляд кажется, что отчет написать плевое дело. А на самом деле у-у-у, трудный жанр, – Росляков положил трубку.

Вернувшись в кухню, он заметил, что уровень жидкости в бутылке упал, а гости разрумянились, стали оживленнее. Гарик вертел в руках самодельный кухонный нож, поднося его ближе к свету, любовался наборной пластглазовой рукояткой. «Если они и дальше будут так оживляться, горячо спорить и размахивать ножами, то через час тут будет уже не один, а два трупа, а то и все три», – решил Росляков и, деликатно вынув нож из рук гостя, убрал его в дальний ящик разделочного столика. Он чертыхнулся, телефон снова затрещал. На этот раз звонил к ночи помянутый заведующий отделом Крошкин.

– Как дела Петя?

– Да как сказать, – мялся Росляков, не привыкший к поздним звонкам руководства. – Чувствую себя что-то совсем неважно, совсем что-то сник. Насморк такой сильный, что прямо дышать не могу, в правом ухе стреляет...

– Еще у тебя в ногах ломота и работать неохота, – продолжил мысль Крошкин. – У меня в двух ушах стреляет, а заодно и в печени, когда я на тебя смотрю. Вчера ты отпросился с половины дня, сегодня тоже отпросился. Давай наверстывай, у нас газета, а не богадельня. Ты вот что, договорись о встрече с Рыбаковым, ты его знаешь, бывший директор совхоза. И сделай с ним интервью строк на триста пятьдесят. Ну, как работают и все такое.

– Да меня шатает от слабости, – Росляков чувствовал, что быстро устал врать, выдохся. – Я и не доеду, упаду где-нибудь...

Росляков отнес трубку подальше от уха, стараясь услышать, что происходит на кухне.

– Договорись с хоть на субботу, но только не тяни с этим, – запикали короткие гудки отбоя.

Росляков, наконец, опустил трубку, с опаской покосился на телефон, словно боялся, что тот зазвонит снова. Вернувшись к столу, он присел на стул, поджав под него ноги. Водки осталось только на доньшке.

– Вот, а он ещё идти не хотел, – сказал Гарик и сочно икнул.

– Это ты идти не хотел, – Костя внимательно сосал сигаретный фильтр с ярко тлеющим на его кончике огоньком. – Давно так не сидели, чтобы по-людски.

– Так, мужики, слушай меня, – Росляков деловито одна о другую потер ладони. – Есть одно дельце. Работы, будем говорить, по максимуму минут на двадцать. По её выполнению, то есть работенки этой по выполнению, каждому по ящику водки плюс закуска. Это, конечно, не натурально, а в денежном выражении, наличманом. Как вам предложение? Волшебство. Сказка. Дивный сон.

Против ожидания, Гарик с Костей не заулыбались от радости, а почему-то сразу помрачнели, шестым чувством поняв, что сказка и волшебство и дивный сон, наоборот, кончились. Теперь начинаются неприятности и головная боль.

– А чего делать-то надо? – погрузневший Гарик стал что-то сосредоточено искать в кучерявых волосах, будто ящик водки обещали вовсе не ему, а кому-то другому.

– И что, никакого желания двадцать минут попотеть за такие деньги? – Росляков, словно не веря себе, переводил взгляд с Гарика на Костю. – Вы меня удивляете, господа.

– У него там, в ванне, – Гарик внимательно посмотрел в глаза Кости, – вообще труп там у него, синий весь. Так прямо в ванне и сидит. Я ванну зашел, когда он по телефону лялякал. Занавеску отдернул, а за ней мертвяк сидит. А в башке дырка.

– Ну что ж ты? – Костя осуждающе покачал головой. – Пригласил нас по-людски посидеть. А сам...

– Я сразу понял, здесь баланда – кислая, – Гарик разлил остатки водки в две рюмки, быстро опустошил свою. – Пошли отсюда, он на нас мертвяка повесить хочет. Вот вам ящик водки сегодня и вышка завтра. Дураков ищет. Пошли.

– Да я... Да я не то хотел... Да вы не поняли...

– Все поняли, не дурей тебя.

Росляков поднялся со стула, хорошо понимая, что уговорами ничего не добиться. Гости уже натягивали свое тряпье у входной двери. Он вышел в прихожую, чувствуя себя обманутым в лучших чувствах. Дверь хлопнула, люди исчезли. Росляков вернулся в кухню, достал из холодильника новую бутылку водки, скрутил колпачок и сделал из горлышка три большие глотка. Он постоял несколько минут в раздумье, вошел в ванную комнату, отдернул клеенчатую шторку. Овечкин сидел в ванной, согнув ноги в коленях и повесив голову на левое плечо.

– Овечкин, ты становишься местной знаменитостью, – сказал Росляков.

Из широко раскрытого рта Овечкина высовывался фиолетовый распухший язык. Кажется, он передразнивал говорившего.

Глава пятая

Поместив сегодняшнюю вечернюю газету под круг света от настольной лампы, Васильев пробовал читать, но то и дело прерывал это неинтересное занятие, останавливался и прислушивался к завываниям ветра в дымоходе. Только что он закончил долгий пустой разговор с хозяйкой дома, верхнюю половину которого Васильев снимал вот уже второй месяц. Марья Никитична выговорила, отвела душу, вытерла платком уголки сухих глаз и, шаркая по половицам тяжелыми отечными ногами, уползла к себе вниз ставить чайник и топить на ночь печь.

В старом, почерневшем от времени доме, дуло изо всех углов, из косеньких, плохо пригнанных окон. Стены не держали тепло и выстывали за ночь. Жила бы старуха одна, она бы, конечно, не стала тратить дрова на вечерний затоп. Но таков был уговор с новыми квартирантами – вечером жарко топить дом. Марья Никитична не жаловалась, напротив, она полагала, что таких денежных, даже щедрых жильцов ей Бог послал за дела её праведные. Эти новые её жильцы платят не торгуясь, сколько не спроси, по самой высшей мерке, – платят. И деньги вперед дают. Когда жильцы не ходят по делам, а сидят дома, с ними и поговорить вдоволь можно, и даже совета спросить.

Васильев же, напротив, после таких долгих никчемных бесед с хозяйкой чувствовал себя раздраженным, слабым, почти больным, он быстро уставал, когда не понимал о чем, собственно, беседует с человеком, но в силу каких-то обстоятельств был вынужден продолжать и продолжать разговор, выживая из себя все новые слова. Васильеву почему-то казалось, что хозяйка глуховата, и он всегда говорил с ней громко, почти с надрывом. Вспоминая, что Марья Никитична вовсе не туга на ухо, он сбавлял тон. Но уже через минуту снова начинал кричать.

Васильев перевернул газетную страницу, отодвинул на край стола лампу и вытащил из раскрытой пачки сигарету.

Молодой помощник Васильева Коля Трегубович одетый лежал на застеленном диване и своими ясными голубыми глазами разглядывал серый неровно штукатуренный потолок. Трегубович заскрипел диваном, кажется, собираясь сесть, но передумал, только подрывал ногами и вздохнул каким-то своим мыслям.

– А вы когда-нибудь в Ровно были?

– Не доводилось, – выдохнул Васильев.

Ну вот, старуха его почти час донимала, теперь Трегубович, как всегда по вечерам настроенный на романтическую болтовню, начал приставать. Этот не отстанет, пока не выговорится.

– У нас места пустынные, лесов мало, – Трегубович, поняв, что собеседник его слушает, заговорил с подъемом, с настроением. – Я не люблю, когда лесов много. Леса они, понимаете ли, все пространство собой загораживают. А у нас большие пространства, ну, земельные. Ночью, скажем, осенью выйдешь из дома, посмотришь в небо, а там звезд – неводом лови, не переловишь. Все небо звездами светится. А тут нет такого. И небо всегда мутное, в тучах.

– А ты, значит, любишь на звезды смотреть?

– Люблю, это не то слово «люблю».

Трегубович перевернулся на спину, обхватил голову ладонями и так пристально уставился в потолок, будто увидел не бугристую серую поверхность, а бездонные просторы звездного неба, разливы млечного пути, путанные рисунки созвездий. А он, как древний мореход, прокладывал путь своему судну в бурных морских водах, ориентируясь по звездам. Трегубович даже негромко застонал от наслаждения, громче заскрипел продавленным диваном. А Васильев всерьез задумался, а не разбежаться ли с этим молодчиком, не поселиться ли с Трегубовичем на разных квартирах? Скажем, молодой человек останется здесь, в приятной компании разговорчивой бабки, а он переедет куда-нибудь в другое место? Скажем, снимет скромный мезонин или комнатенку на этой или соседней улице?

– Я вот года два назад у цыган жил, – рассказывал Трегубович. – Они хоть и грязные люди, но близкие к природе. Если разобраться, люди они даже неплохие совсем по натуре. Женщины у них все поголовно работают, смальства деньги зарабатывают. А мужики цыгане любили на гитарах тренькать и на звезды глядеть. Глядят себе и глядят – и никаких дел. Никаких тебе забот.

Васильев снова перестал слушать. Трегубович уже не впервые рассказывал о приключениях с цыганами. Врал он или говорил правду, понять невозможно. Но всякий раз, повествуя об этом романтическом периоде своей жизни, Трегубович сообщал: «В то время я жил в шатре. Не в какой-то там кибитке кочевой, не в палатке полевой, а в настоящем роскошном шатре. А потом все кончилось. Я ушел от цыган. Не поладил с их бароном. Не захотел я старика на нож сажать, а просто взял и ушел. А в шатре, между прочим, мне хорошо жилось. Ешь да спи – вот тебе и вся работа. Удобства, правда, далеко, на воздухе».

Обведя взглядом темные углы комнаты, глянув на валявшегося на диване молодого человека, Васильев призадумался. Старухин дом ему никогда не нравился, противный вымороженный клоповник, лежбище для опустившихся личностей. Иногда, в силу разных обстоятельств, приходилось оставлять машину в Москве и добираться сюда электричкой, а потом автобусом, ходившим всегда не по расписанию, когда вздумается его водителю.

– Когда человек видит звезды, он, ну, человек этот, выше становится, словно поднимается над другими людьми, – бубнил Трегубович. – А я в юности чего придумал. Врыл в землю длинный такой столб, кверху прибил колесо от телеги. Так вот, ночами забирался по столбу на это колесо, сидел на нем и смотрел на звезды через отцовский бинокль. Так в подзорную трубу астрономы смотрят. Смешно, да?

– Почему же смешно? – думая о своих проблемах, Васильев даже толком не понимал, о чем толкует Трегубович. – Это грустно, а не смешно. Очень даже грустно.

– Почему же грустно? – Трегубович вдруг обиделся.

– Просто грустно – и все, – ответил Васильев. – Сидит человек ночами на каком-то столбе. Чего же тут смешного? Я бы сказал это довольно грустное зрелище. Даже очень грустное. Очень.

– А, вы просто не понимаете, – Трегубович махнул рукой и сердито заскрипел диваном.

Идея разбежаться с Трегубовичем по разным квартирам и прежде приходили в голову, но Васильев сходу её отвергал. И теперь он решил не торопиться с выводами и действиями. Васильев сказал себе, что человек способен вытерпеть, вынести ещё и не такое, не только общество Трегубовича. Человеческий организм таит в себе огромные возможности, не раскрытые даже наукой. Терпение – вот что от него, Васильева, сегодня требуется. А за Трегубовичем нужен глаз, у парня слишком переменчивое настроение, неуравновешенный характер, такой малец может запросто сорваться, наделать столько немислимых глупостей, что потом не разгребешь, лопатой не раскидаешь. Влипнет в какую-нибудь историю – и что дальше? Залезет, скажем, на высокий столб, как в юности лазил, но на звезды смотреть не станет, а с этой высоты пошлет трехэтажным матом всех прохожих, всю окрестную милицию, а заодно и прокуроров.

– Как вы думаете, Марьясов настоящий мафиози? – Трегубович поднял кверху колени.

– Что в твоём понимании настоящий мафиози?

– Настоящий мафиози это тот, кто ездит в роскошной тачке, курит дорогие сигары и имеет всех красивых женщин, какие только попадают на пути.

– Тогда Марьясов не мафиози, – вздохнул Васильев. – Сигар он не курит.

– Это я так сказал, ну, про сигары и тачки, – Трегубович, погруженный в тяжкие сомнения, отвернулся к стене, засопел и несколько минут вообще не подавал голоса.

Навязали этого молодого, слишком энергичного паренька на голову Васильева. Видите ли, Трегубович двоюродный брат пресс-секретаря Марьясова Павла Куницына. Смешно, но даже в таких делах – сплошная семейственность. Этот Павел запросто мог бы подыскать сво-

ему родственнику чистую работу. Но вопрос, разумеется, не в брате. Проблема в самом Трегубовиче, который не умеет спокойно сидеть на месте и перебирать, пусть даже за хорошую плату, бумажки на конторском столе, ему нужно самоутвердиться, его, видите ли, тянет на всякие подвиги, на мужские дела, которые оборачиваются сплошным паскудством. Трегубович – это крест Васильева, тяжкий крест, который с себя не сбросить.

Парнем нужно руководить, им управлять нужно, его, как ни странно, нужно учить. Иначе – беда. Васильев постарался направить мысли в другое направление. У каждого, самого пустого, самого глупого и никчемного человека есть свои достоинства. И у Трегубовича, если хорошенько поискать, тоже найдутся свои достоинства. Их только надо увидеть, разглядеть их надо.

Васильев задумался, сморщил лоб, мучительно стараясь вспомнить хоть одно-единственное достоинство молодого человека – и все-таки вспомнил. Трегубович не храпит. Вот, это уже что-то. Все или почти все мужчины храпят, а Трегубович не храпит. По крайней мере, когда он трезвый. Значит, и в этом человеке есть свой, так сказать, положительный заряд, здоровое зерно. И бабкин дом не так уж плох, то есть совсем не плох, а даже на свой лад хорош. Расположен на отшибе, в трущобном диком райончике, вдалеке от людских глаз, вдалеке от любопытных соседей, что, собственно, и требуется. Нет, здесь жить можно. Васильев вытянул под столом ноги, веселее глянул на Трегубовича. Оказывается, тот, быстро забыв обиду, продолжал о чем-то с жаром рассказывать, со стороны кажется, рассказывать самому себе. Нет, он о чем-то спрашивал.

– Что-что? – переспросил Васильев.

– Я говорю, а в Ровно вы были?

– Не был я Ровно, десятый раз тебе повторяю, что не был, – поморщился Васильев. – На кой мне сдался твой Ровно? Что мне там делать? А чего ты все спрашиваешь?

– Да так просто. Когда родные места вспоминаешь, как-то на душе теплее становится. Человек не может без родины. Родину, как любимую женщину, бросать нельзя. Ведь правильно? Все-таки родина – это корни наши. Родина – это родина. Этим словом все сказано.

Способность Трегубовича постоянно к месту и не к месту изрекать какие-то совершенно нелепые романтические банальности, всякую слезоточивую чепуху почему-то всегда удивляла, даже поражала Васильева. До сегодняшнего вечера он был уверен, что понятия «родина» и «любимая женщина» парню вообще не знакомы. Васильев, все больше раздражаясь на чужую болтливость, хотел спросить, какого черта Трегубович торчит тут, в вонючим бабкином доме, валяется на мятой несвежей постели, а не едет в свой Ровно, к землякам, на родную землю, к звездному небу и любимой женщине, но решил, что этот вопрос – риторический. Тогда Васильев сформулировал вопрос иначе.

– Ну, что ещё умного скажешь? Еще какую чепуху придумаешь?

Васильев, нахмутив брови, зашуршал газетой. Трегубович снова обидевшись на не совсем тактичное замечание старшего товарища, замолчал, вздыхая о чем-то, и продолжая мечтательными голубыми глазами разглядывать потолок. И снова стало тихо. Только гудел ветер в печной трубе, где-то внизу, на кухне, гроыхала тарелками и кастрюлями старуха хозяйка. Встав со стула, Васильев подошел к окну и выглянул на улицу. Ни души. Зимний вечер, такой длинный, а в компании Трегубовича просто бесконечный, незаметно превращался в ночь. Штакетник забора, доверху занесенный снегом, пара тусклых фонарей, фиолетовые тени на снегу.

Господи, какая же скука. Васильев неожиданно вспомнил давний случай, вспомнил человека, незнакомого мужчину, которого ни за что ни про что, за пьяное, неосторожно брошенное слово, убили бандиты посередине вот такого же заметенного снегом темного переулочка, под фонарем. Раненый, жалобно постанывая, долго стоял на коленях, обхватив руками прострелянный живот. меховая шапка лежала рядом. Окурочек прилип к его нижней губе, этот окурочек

дымился, горел оранжевым живым огоньком. А потом грохнул второй выстрел, человек упал лицом в снег. Воспоминания – это как пуля из-за угла, её не ждешь, а она уже в тебе. Васильев мотнул головой, вернулся к столу, и, решив больше не ломать глаза, отбросил газету в сторону, на пол.

– Что-то бабка с ужином задерживается, – сказал он, хотя глотать неряшливую бабкину стряпню не было никакой охоты.

– Померла она там что ли, у печки? – подхватил мысль Трегубович. – Или крышку подпола забыла закрыть и провалилась туда? В подпол провалилась и теперь валяется там бездыханная, вся переломанная?

– Ты вот что, – Васильев почесал переносицу, – завтра для тебя дело есть. Нужно угнать машину, все равно какую, потому что машину эту все равно потом придется сжечь. Лучше всего чтобы тачка стояла в бабкином дворе под вечер. Ну, время особой роли не играет, главное, на хвосте сюда никого не привезти. Перебросим номера, а послезавтра утром съездим на ней в гости к Рыбакову. О встрече с ним я уже договорился. Справишься?

– Без вопросов, – Трегубович подскочил на диване. – Я лично люблю иномарки. Наши я вообще за машины не считаю. Иномарки – это другое дело. Взять хотя бы японские...

– Я сказал, все равно, какую машину. На твой вкус, но не очень броскую.

– Наконец-то, хоть дело появилось, – Трегубович возбужденно ерзал на диване, блеснул голубыми лучистыми глазами и улыбался. – Я уж совсем застоялся, то есть залежался тут. А тут дело, живое дело. И в гости съездим к этому хрену. У меня куражу на троих хватит. Повеселимся с Рыбаковым, жуком навозным. Ух, вони от него много будет. Вони много пойдет, – Трегубович рассмеялся своей остроумной шутке. – А, повеселимся?

– Ты особо не расходишь, мы ведь это делаем не для твоего веселья и не для куража.

– Это конечно, конечно, – Трегубович старался выглядеть серьезным, но глумливая похабная улыбочка не сходила с его лица. – Мы серьезное дело делаем. Возвращаем человеку его собственность. Святое дело делаем. Еще поручения на завтра будут?

– Будут, – кивнул Васильев. – С утра, как магазины откроются, сходи и купи старухи харчей, а то она из каких-то отбросов ужин готовит. И ещё зубную пасту купи. А, и мыла еще. А потом помойся с этим мылом.

– Сделаем, – кивал Трегубович, радовавшийся любому поручению Васильева.

– Тачку обязательно в Москве бери, не здесь, – Васильев погрозил Трегубовичу пальцем, закруглив воспитательный процесс словами. – Только голову не теряй. Действуй спокойно, без суеты.

Глава шестая

– Проходи сюда.

Врач Сергей Сергеевич Островский распахнул перед Росляковым дверь с табличкой «ординаторская», пропустил гостя вперед, сам зашел следом, повернул ключ, торчащий в замке. Усадив Рослякова за письменный стол, покрытый стеклянным прямоугольником, скинул и повесил на крючок вешалки белый халат. Сев в кресло, Островский вытянул вперед ноги и блаженно потянулся.

– Эх, за день так натопчешься, намнешь ноги – он нагнулся и расшнуровал кожаные полуботинки, – что мир видится в ином свете. В темном. Так именно что ты хотел узнать об этом мужике? Ты мне позвонил, назвал фамилию и попросил узнать, чем он болен.

– Сергей Сергеевич, именно это я и хотел узнать. Чем этот человек болен.

– Этот мужик сам приехал к нам на Каширку как раз для того, чтобы выяснить, чем он, собственно, болен. Если бы мы знали, чем он болен, сам пациент узнал бы об этом первым. Не ты, а он. Это раньше от больных скрывали смертельный диагноз, теперь им говорят даже о СПИДе. Ну, чтобы люди закруглили свои земные дела и с легким сердцем перешли в мир иной. А в его городе, на периферии, диагноз поставить не смогли. Не потому что там врачи лаптем ши хлебают, они получше московских будут. Но там нет нормального оборудования, компьютерных томографов. Видел, какое у нас, на Каширке, оборудование? Все по последнему слову.

– Я полгода назад писал обо всем этом, целую газетную полосу тогда сделали, с фотографиями, – кивнул Росляков. – Все мне показывали.

– Он тебе что, родственник?

– Родственник, только очень дальний, – без причины соврал Росляков. – Очень-очень. Настолько дальний, что само родство прослеживается с трудом. Вообще, двадцать седьмая вода на киселе. Но все-таки родственник. Жалко провинциала, блуждает в Москве, как в потемках, не знает, где голову приклонить.

– Так вот, его облздрав запросил в Минздраве путевку к нам, твой родственник её получил, ему выдали на руки направление, выписку из истории болезни. Он с этим документами пришел в нашу поликлинику. А мы его направили на обследование: биохимический анализ крови, биопсия, компьютерная томограмма. Так что, если хочешь знать точный диагноз своего дальнего родственника, приходи через две-три недели.

– А вы его осматривали, родственника моего?

– Ну, осматривал.

– Ну, хоть что-то вы сказать можете, предварительно? – Росляков посмотрел на врача умоляющими глазами. – У меня выходной сегодня, а я ждал вас в коридоре чалый час, да час сюда добирался. Хоть меня немного пожалейте.

– Понимаешь, у тамошних врачей возникли сомнения. Они не могли решить, то ли у больного запущенный туберкулез, то ли рак легких.

Островский, будто только что он сказал нечто забавное, даже веселое, подмигнул Рослякову одним глазом.

– Что, он не долго протянет?

– Если у него вторая или третья стадия рака, может, проживет месяца два-три, а, может, два-три года. Многое от его здоровья зависит и от того, будет ли он регулярно лечиться в онкологическом диспансере. Скорее всего, мы сделаем ему операцию, химиотерапию, рентгенотерапию, ну, облучение сто тридцать седьмым стронцием и радоном. Поживет, сколько Бог даст.

– А если у него туберкулез?

– Тоже не подарок, – Островский потянулся и зевнул. – Туберкулезник быстро теряет вес, начинаются приступы слабости. Больному нужно хорошо питаться, потому что при туберкулезе в организме слишком быстро разлагается белок. А аппетита нет, уже во второй стадии возникает отвращение к мясным блюдам.

– А существует какая-то, хотя бы призрачная надежда на чудесное выздоровление? Ну, шансы у него есть какие-то?

– Ты хотел знать правду, ты её услышал. А теперь хочешь услышать о какой-то призрачной надежде? Кстати, у этого мужика, твоего родственника, три старых огнестрельных ранения в спину. Видимо, в свое время он перенес серьезную операцию. Весьма вероятно, что его болезнь лишь последствие этих ранений. Кто это в него стрелял? И когда?

– Не знаю, – честно признался Росляков. – Вообще-то этот мужик мой отец.

– Вот как? – Островский досадливо крикнул. – Знал бы это, не стал бы тебе ничего рассказывать.

– Будем считать, что вы мне ничего не рассказывали.

– Подожди, если он твой отец, почему же у тебя фамилия другая?

– У меня фамилия матери, – Росляков тоже поднялся со стула, засобирился. – Когда мне исполнилось шестнадцать, они с отцом как раз развелись. Отца перевели на работу в другой город. Мать настояла, чтобы я взял её фамилию.

Островский был не доволен собой, он чувствовал себя обманутым.

Росляков вышел на улицу, за его спиной светился всеми огнями онкологический центр, похожий на потерпевший бедствие, тонущий в ночи корабль. У кромки тротуара Росляков поднял руку, дернул на себя дверцу притормозившей «Волги».

– Куда? – спросил водитель.

Росляков после секундного раздумья назвал адрес матери.

* * * *

– Сегодня, буквально час назад, я разговаривал с врачом, который осматривал отца.

Росляков оторвал взгляд от телевизора и посмотрел на мать, листавшую на диване журнал мод.

– Вот как? – Галина Павловна продолжала разглядывать цветные иллюстрации. – И что интересно он сказал, этот врач? Надеюсь, ничего серьезного?

– Диагноз пока не поставили, это займет недели две-три, нужно сделать анализы и все такое, – Росляков сложил руки на груди, решил, что полностью воспроизводить перед матерью беседу с врачом нет ни малейшего смысла. – У него с легкими проблемы. Скорее всего, отца положат в онкологический центр Блохина. А там будут думать, делать ли операцию.

Галина Павловна закрыла журнал и отложила его в сторону.

– Через две недели мы уезжаем с гастролями по северным городам, с нами едут – Галина Павловна назвала три фамилии довольно известных эстрадных певцов. – Так что, меня в Москве не будет. А почему ты не хочешь, чтобы отец это время пожил у тебя? Самая заштатная московская гостиница – удовольствие не из дешевых. А у твоего отца сроду лишних денег не водилось.

– Отец сам не хочет у меня жить, – соврал Росляков. – Ну, из деликатности что ли. Боится стеснить, как-то ущемить мою независимость.

– Господи, чем-чем, а деликатностью Виктор никогда не отличался, – Галина Павловна фыркнула. – Вот посмотри на моего мужа, на Николая Егоровича. Вот это действительно в высшей степени деликатный человек. В комнату не войдет не постучавшись. Через слово «прости», «пожалуйста». Профессор, ученый заслуженный человек, с манерами. Твой отец в сравнении с ним просто колхозник.

– А у профессора что, лишние деньги водятся? – криво усмехнулся Росляков, разговор о деликатном Николае Егоровиче сейчас почему-то был неприятен.

– Господи, какой у профессора оклад, какие деньги? – Галина Павловна не заметила иронии. – Слезы. Только дача у Николая Егоровича хорошая, но и ей давно ремонт нужен. Дача ещё с тех времен, когда за труд ученых хоть что-то платили. Так уж повелось, что в этой семье я одна зарабатываю деньги, я тяну весь воз. Езжу с артистами, организовываю гастроли, работа администратора – это ломовая, лошадиная работа. Таков мой крест.

– Значит, профессор ничем не лучше отца?

Галина Павловна снова взяла в руки журнал и принялась его перелистывать, слюнявя указательный палец.

– Когда я была замужем за Виктором, у нас, можно сказать, семьи вообще не было. Я ведь совсем юной девушкой вышла за него. Тогда казалось, что муж офицер – это блестящая партия. Но позолота этой романтики быстро поблекла, а потом и вовсе облетела. Правда, у твоего отца была весьма приличная квартира, но совершенно не обустроенная, почти пустая. После того, как мы расписались, он купил кровать с панцирной сеткой и такими блестящими металлическими шишечками на спинке и ещё картину купил в позолоченной раме с каким-то убогим сельским пейзажем. Вкус офицера, ничего не скажешь. Женившись на мне, купив эту кровать с шишечками и картину, он искренне поверил, что создал настоящий семейный очаг.

– А что он должен был купить, чтобы создать настоящий очаг?

– Петя, не задавай дурацких вопросов. Дело не в покупках. Да, период романтической влюбленности кончился быстро, я отрезвела. И задумалась: правильный ли выбор я сделала? Между мной и твоим отцом как бы пролегла полоса отчуждения. И, образно говоря, эта полоса становилась все шире и шире. В конце концов, она стала просто непреодолимой. А жизнь между тем шла, шла себе где-то стороной, проходили месяцы и годы. Он ведь не вылезал из каких-то длительных командировок. Он врал мне, что уезжает на полигон под Рязань, а возвращался через пару месяцев дочерна загорелый. В Рязани невозможно так загореть даже летом. Он не хотел говорить правды, он постоянно врал, ловчил или просто отмалчивался. Но и мне тоже нужно было ездить по стране, тогда я уже работала администратором Росконцерта. А с тобой сидела бабушка. И что это за семья, где супруги живут вместе месяц в году?

– Действительно, это не жизнь, так, прозябание, – усмехнулся Росляков.

– Наконец, твой отец возвращался из очередной сомнительной командировки, а потом отдыхал, – Галина Павловна говорила и шуршала страницами журнала. – Нет, он не ходил по театрам, почти ничего не читал. Он вообще не искал содержательного досуга, не умел с пользой проводить время. Он сутками валялся на своей кровати с шишечками и смотрел в потолок, будто на этом потолке что-то нарисовано. Он мог не разговаривать со мной целыми днями. А я стеснялась при нем пригласить в дом своих друзей.

– При твоей разъездной жизни у тебя были друзья?

– А как же? – Галина Павловна чуть не выронила из рук журнал. – К нам в дом запросто приходили такие люди, такие люди... Артисты, музыканты, даже художественный руководитель одного драматического театра. Цвет русской культуры. Ты всего этого не помнишь, тогда, после смерти бабушки, ты учился и жил в интернате. А твой отец не проявлял никакого интереса к культуре. Эти люди ему были не интересны. По-моему, он просто презирал моих друзей. Я не могу понять за что, но он их презирал. И все ему было до фонаря, абсолютно все. В конце концов, я стала его стесняться перед своими друзьями. Представь себя на их месте. Ты приходишь в дом к интеллигентной женщине, а там валяется на кровати какой-то мужлан, сопит и смотрит в потолок. И ещё не известно, что у него на уме, ведь он молчит целыми днями. Жизнь с Виктором это нечто вроде на тихого помешательства. Я стала испытывать облегчение, когда он в очередной раз уезжал неизвестно куда.

– Но, в конце концов, вы развелись?

– Да, я приняла это решение, – Галина Павловна вздохнула. – Однажды твой отец снова уехал неизвестно куда на целых восемь месяцев. За это время я получила от него аж целых два письма. В несколько предложений каждое. Нет, письма не по почте пришли, их передавали мне в руки какие-то незнакомые мужики. Я попробовала их расспросить о Викторе, но они отвечали, что все написано в этих письмах, разворачивались и уходили. А в письмах не было почти ничего, какие-то общие фразы. И целое море грамматических ошибок, самых нелепых, диких ошибок. Видимо, писал пьяный. Два письма за восемь месяцев. И это супружеская жизнь? И это семья?

– И что произошло дальше?

– Он, естественно, вернулся. Очень похудевший, бледный. С тремя шрамами от пуль в спине. Мне жалко его было, жалко на него смотреть, я даже заплакала. Но слезы быстро кончились. И я решила объявить о своем решении. Не сразу, а только спустя две или три недели после его возвращения. Эти дырки в спине, эта его худоба... Он ужасно кашлял ночами, ставил возле кровати твой детский горшочек и сплевывал в него мокроту. Это было ужасно, я не могла заснуть, так он кашлял, а потом стонал во сне. И ещё произносил какие-то слова на иностранном языке. Даже не знаю, на каком языке. Слова, похожие на собачье тявканье.

– А ты, разумеется, страдала?

– Да, страдала. От этого кашля, от его стонов, я совсем не могла спать. Я спрашивала его о том, где он пропадал эти месяцы, в какой командировке, но он не мог честно ответить. Все это меня окончательно доконало. Ну, потом он немного поправился, набрал вес. Это все было потом. А тогда я объявила ему о решении развестись. Помню, он сидел на своем любимом диване с газетой, а я стояла перед ним, как школьница на уроке. Он меня так внимательно выслушал и говорит: «Наверное, ты права. Я плохой отец и плохой муж. Давай, я подпишу все бумаги». Я думала, он будет меня просить о прощении, на коленях ползать. А он знаешь, что сделал? В тот же вечер куда-то ушел и нажрался, как свинья. Его домой привел собутыльник.

– А сейчас ты знаешь, где именно служил отец?

– Где? Не смей меня, попробуй сам догадаться. Служил он, естественно, не на почте ямщиком. В каком-то специальном подразделении КГБ. А большего мне, как жене офицера, знать не положено.

– И это вся эпопея вашей жизни, вся семейная хроника?

– А что ты хотел услышать, сагу о Форсайтах? – Галина Павловна снова закрыла журнал, бросила его на журнальный столик и промахнулась, журнал упал на ковер. – Мы развелись, и он уехал в другой город. Может, сам выпросил туда перевод, а, скорее всего, у него начались какие-то неприятности по работе. Хороших офицеров из Москвы на периферию не переводят. А я, наконец, почувствовала себя счастливой и свободной. Впервые за многие годы.

Росляков поднялся из кресла, прошагал на кухню. Николай Егорович, низко склонясь над тарелкой, ел чайной ложкой жидкую овсяную кашу. Открыв форточку, Росляков закурил и стал смотреть в темное окно. Начался снегопад, свет фонарей на противоположной стороне улицы померк, пешеходы куда-то пропали, редкие машины едва ползли по занесенной мостовой.

«И почему все возможные неприятности нашли меня одновременно? – думал Росляков, пуская дым в форточку. Болезнь отца, этот проклятый самоубийца Овечкин, облюбовавший для мокрого дела мою квартиру? Почему все сразу свалилось мне на голову? И что же делать, в конце концов, с его трупом? Он же не может до бесконечности сидеть в моей ванной». Мысль, что скоро придется вернуться в свою квартиру, снова заглянуть в посиневшее лицо Овечкина, вызывала оцепенение. «Да, он не может до скончания века сидеть в моей ванной, – подумал Росляков. Но он и уйти не может. Потому что покойники не ходят».

– Что-то погода совсем испортилась, – Росляков повернулся к Николаю Егоровичу, увлеченно поедавшему тянучую кашу. – Можно, я у вас сегодня ночевать останусь?

– Что за вопрос, Петя? – профессор поднял голову от тарелки. – Мама постелит тебе на диване.

– Вот и хорошо, – обрадовался Росляков.

– Отличная каша, моего приготовления, – заявил профессор. – Фирменное блюдо и диетический продукт. Не желаете присоединиться, молодой человек?

– А чего посущественнее не найдется? Посущественнее этой каши?

Глава седьмая

Закончив воскресный завтрак, Василий Васильевич Рыбаков встал из-за стола и, сдвинув тюлевую занавеску, выглянул во двор. Из окна второго этажа рубленого дома открывалась чудная картина раннего зимнего утра. Багряное солнце, поднимавшееся над черным еловым лесом, занесенный снегом двор за сплошным двухметровым забором, увитым поверху пятью рядами колючей проволоки, некрашенный пустовавший в эту зиму сеной сарай, кирпичный гараж на две машины, огороженный сеткой вольтер для кур и стоящую на отшибе тоже пустую собачью будку. Снег на дворе блестел так ярко, что Рыбаков зажмурил глаза.

– Тебе в поселок в магазин не надо? – через плечо обратился Рыбаков к жене Марии Николаевне.

– Масла купить надо.

– Из-за одного масла жалко машину гонять. Я в гараже хотел кое-чем заняться. Пусть за маслом Таня ходит.

Жена уже успела убрать со стола грязную посуду, отнести её на первый этаж и выпить первую чашку чая, наливая в чашку кипяток из узкого носика электрического самовара. Рыбаков потоптался у окна, подойдя к противоположной стене, подтянул гири ходиков с кукушкой. Часы ходили точно, минута в минуту, но деревянная птичка уже который год почему-то не вылетала из-за своей дверцы. Пройдясь по комнате, Рыбаков посмотрелся в зеркало, нахмурил седые брови, смахнул волосок с нагрудного кармана темной фланелевой рубахи и снова занял свое место во главе стола. Он придвинул ближе к себе большую чашку кофе и раскрыл вчерашнюю газету.

Раздался звонок и Василий Васильевич, чуть не расплескав на белую скатерть кофе, схватил трубку мобильного телефона, несколько раз повторил «але», но так и не услышал ответа.

– Ну что, говорить будем или молчать? – повысил голос Рыбаков, но ответа снова не последовало. Он нажал кнопку отбоя и положил трубку перед собой.

– Покоя нет от этого телефона, – Мария Николаевна зло покосилась на трубку.

– Должны по делу позвонить, – Рыбаков перевернул газету и стал рассматривать последнюю полосу. – Может, человек один подъедет, у него есть стекло ноль четыре миллиметра для теплиц, дешевое очень. И ещё Росляков, корреспондент, знакомый из газеты, тоже обещал подъехать к вечеру, часам к пяти. Статью о нашем хозяйстве писать будет. А где, кстати, Танька? Почему это она к завтраку не выходит? Или перетрудилась, устала слишком?

– Пусть поспит девчонка.

– Татьяна, иди сюда, – крикнул Рыбаков страшным с простудной хрипотцой голосом, наводившим животный ужас на подчиненных. Словно откликаясь на этот страшный крик, где-то вдалеке залаяла собака.

Дочь, непричесанная, в стеганом халате в цветочек, переступила порог комнаты, плюхнулась на стул напротив матери, придвинула к себе чашку и захрустела сухой баранкой. Отца она не боялась, перед его криком не робела, но и ссориться с ним не желала. Просидев пару минут неподвижно, Татьяна вытащила из кармана халатика полученное накануне письмецо на линованном листке из школьной тетрадки и в который раз начала его перечитывать.

– Фотографию свою Саша прислал, – сказала Татьяна и, ожидая каких-то слов от матери, подняла на неё глаза. – Какой-то значок на груди.

– Значит, пишет солдатик? – Мария Николаевна разломилла сушку.

Татьяна не удержалась, сунула письмо обратно в карман халата, вытащила и протянула матери цветную фотографию молодого человека в военной форме. Мария Николаевна взяла из рук дочери фотографию, склонив голову набок и, похрустывая сушкой, стала рассматривать карточку.

– Вот он какой у меня, солдатик, – Татьяна улыбнулась. – Симпатичный стал. Мать поморщилась, выражая несогласие с последним утверждением дочери.

– Ничего, дочка, с лица воду не пить, – вздохнула Мария Николаевна. – Мужчина должен быть таким, ну, чуть пострашнее обезьяны. Главное, чтобы деньги водились у него, чтобы он эти деньги в дом приносил. А с лица воду не пить. Ничего, что твой солдатик такой, ну, как бы сказать... Не совсем...

– Что ты, мам, имеешь в виду? – Татьяна нахмурилась.

– Ничего, – Мария Николаевна передала фотографию мужу. – Просто говорю, внешность для мужчины дело десятое.

– Письмо дай сюда.

Рыбаков, одним взглядом посмотрев на фотографию, положил её на стол и отодвинул от себя. Взяв из рук дочери письмо, он пробежал глазами первые строчки, отдал письмо уже готовой разрыдаться Татьяне. Сделав большой глоток кофе, Рыбаков встал со стула, подошел к дочери и грубой шершавой ладонью погладил её по непричесанным волосам.

– Письма эти береги, дочка, не выбрасывай, – Рыбаков провел ладонью по волосам Татьяны и снова сел на прежнее место. – Вот он письменно сообщает, что любит тебя. Значит, такое письмо может пригодиться. Для суда. Это важный документ для них документ, для присяжных, для суда.

– Для какого ещё суда? – Татьяна часто моргала глазами.

– Сегодня любовь. А завтра судиться будете с ним, с солдатиком, имущество делить и детей. А по письмам судьи поймут, какой он подлец, как обманул тебя.

– Так он же не подлец, он меня не обманывал.

– Не обманывал, так обманет, – невесело усмехнулся Рыбаков. – Ты письма-то спрячь подальше и никому не показывай.

– Вот когда обманет...

– Тогда поздно будет толковать, – Рыбаков выложил на стол пачку сигарет. – Вперед смотреть надо, а не назад оборачиваться. И вообще, готовь сани летом, а телегу зимой.

– Танечка, ты слушай отца, – Мария Николаевна вдруг заговорила жалобным тонким голосом. – Солдатиков, вроде твоего Саши, у отца под началом тысяча с гаком работает. Если за каждого единственную дочь с приданым выдавать... Ты у нас одна, ты красавица, а таких вахлаков беспортошных вот, только свисни, табун прибежит.

– Глупости вы какие-то говорите, – Татьяна спрятала письмо и фотографию в карман халата, вытерла кулаком покрасневший вслед за глазами нос. – Глупости это.

Рыбаков переводил мутный взгляд с жены на дочь и обратно на жену. Физиономия супруги, пресная, как святая вода, непричесанная с красным носом дочь, видимо, собиравшаяся и этот прекрасный зимний день посвятить пустым чувственным переживаниям, раздражали Василия Васильевича. Допив в два глотка кофе, он, стараясь пересилить внезапное раздражение, поднялся из-за стола, снял со спинки стула жакет сшитый из крашенных кроличьих шкур. Уже переступив порог комнаты, он обернулся к Марии Николаевне.

– Спустишь в гараж, полки металлические повешу. Телефон пусть здесь останется, в гараже он плохо работает. Если позвонит тот мужик насчет стекла или Росляков из газеты, ты меня крикни.

– Крикну, – пообещала жена. – А Танечка пока за растительным маслом в поселок ходит. Сходишь, дочка?

* * * *

Мария Николаевна видела через окно, как муж с лопатой в руках медленно пересекает двор, отпирает дверь в гараж, снимает висячий замок. Трудно сказать почему, но на сердце

было как-то тревожно, беспокойно. Удивившись этой странной тревоге, не найдя её причины, Мария Николаевна решила, что выпила за завтраком слишком много крепкого чая, вот сердце и трепыхается. Таня, уже одетая в короткую дубленку и брюки, готовая к прогулке в поселок, стояла в дверях столовой, повязывая на шею шерстяной красный шарф с длинной бахромой. Отойдя от окна, Мария Николаевна подошла к зеркальному трюмо, открыла крышку металлической коробки из-под шоколадных конфет, в которой лежали деньги, отсчитала несколько купюр.

– Возьмешь растительного масла, а там по своему усмотрению, – Мария Николаевна положила трубку на стол и передала деньги дочери. – Прошлый раз...

Таня не дала матери договорить.

– Мам, мне сон сегодня приснился, нехороший.

Мария Николаевна, умевшая и любившая толковать чужие сны, застыла на месте.

– Снится мне, что я с какими-то девушками гуляю, по сну выходит, что они мне подружки, – Таня перебирала пальцами бахрому вязаного шарфа. – Так вот, мы с этими девушками выходим к реке и пускаем в реку венки. Я так понимаю, гадаем о суженном по тому, как венок поведет себя в реке. А ещё вот что: вода в реке такая темная, мутная. И я становлюсь на колени и пускаю я в эту воду свой венок. А он не поплыл и даже не закружился в воде, а сразу же утонул. Это ведь плохая примета, ведь правда, что венок утонул?

– Не то чтобы плохая примета, не совсем так.

Мария Николаевна задумалась, не зная, стоит ли правдиво толковать этот сон или разумнее придумать сну дочери какое-нибудь маловразумительное объяснение.

– Не то, чтобы это плохая примета, – утешила мать и вдруг неожиданно для себя сказала правду. – Если примета верная, значит, помрешь ты скоро.

– Обязательно помру я? Ведь мы на суженного гадали? – Таня взяла из рук матери деньги. – Может это он, может, с ним что случится?

– Да нет, это я так сказала, – опомнилась Мария Николаевна. – И ничего с твоим солдастиком не случится. С такими вообще ничего не случается. Если бы вы действительно венки пускали, а не во сне, и венок утонул, это действительно плохая примета. А так, во сне, ерунда все это.

* * * *

Включив освещение и отопительную систему, Рыбаков замерил рулеткой длину полок, сделал на светлой отштукатуренной стене несколько карандашных отметок. Положив на верстак пластмассовые дюбели, он закрепил в держателе сверло, подключил к сети электродрель и уже хотел было забраться на самодельный табурет с широким удобным сиденьем, но тут едва слышно скрипнула дверь, широкая полоса дневного света упала на пол и тут же исчезла. Рыбаков обернулся. Высокий широкоплечий мужчина с непокрытой головой в ратиновом пальто модного кроя стоял в дверях гаража, потирая пальцами тонкие щегольские усики.

– А я вашей супруге позвонил, она сказала, вы в гараже, – сказал мужчина вместо приветствия, шагнул к Рыбакову, протянул тому руку. – А я тот самый Фирсов, по поводу оконного стекла.

– Господи, стоило ли приезжать? – Рыбаков потряс руку Фирсова.

– Да я просто был недалеко, можно сказать, проезжал мимо, – Фирсов улыбнулся.

– Ну, и правильно сделали, что приехали. Я заинтересовался, стекло вы недорого отдаете.

Рыбаков подумал, что адрес своего загородного дома этому Фирсову не давал. «Тогда откуда же он узнал, где меня найти? – насторожился хозяин, но мужчину со щегольскими усиками ни о чем спрашивать не стал, а сам ответил на вопрос. Вероятно, жена сказала адрес, встретила гостя у калитки и провела до двери гаража». Рыбаков почесал за ухом и тут поду-

мал, что гость добрался сюда уж больно быстро, подозрительно быстро. «Но ведь он же мимо проезжал. Да, шустрый мальчик. Тем человек и живет, ноги кормят».

– Да, стекло отдаем почти по себестоимости, – кивнул Фирсов. – Это ведь не преступление реализовывать товар по себестоимости. Нам, считай, все должны, но и сами на картотеке сидим. Живых денег не видим.

Рыбаков окинул взглядом одежду Фирсова, дорогие модные ботинки, цветное шелковое кашне, галстук и ратиновое пальто, решив, что, судя по стильной дорогой одежде заместителя директора завода, предприятие не на картотеке сидит, а, напротив, процветает. Усмехнувшись своим мыслям, Рыбаков положил дрель на верстак и снова оценивающее посмотрел на гостя.

– Гараж у вас отличный, – гость осмотрелся вокруг, шагнул вперед и чуть не споткнулся об огнетушитель. – И тепло тут, и вентиляция есть, и смотровая яма. Девушка сейчас из калитки мне навстречу вышла, не дочь ваша?

Фирсов посмотрел на хозяина с любопытством и зачем-то расстегнул вторую пуговицу пальто.

– Дочка, в магазин поселковый пошла, – сказал Рыбаков и уточнил, не потому что любил определенность в ответах, а так, не понятно для чего уточнил. – Пошла купить масла растительного.

– Я так и понял, – погладил усики Фирсов. – У меня у самого двое детей. На меня похожи, как две капли. У меня карточка есть, где мы вместе сняты. Сейчас покажу, – сделал шаг вперед, Фирсов, широко распахнул полы пальто, стал шарить рукой во внутреннем кармане, сперва в левом, затем в правом.

– Ладно, не ищите.

– Ой, смотрите мышь под верстаком, – Фирсов, прекратив поиски фотографий, пальцем показал в угол гаража, под верстак. – Надо же, мышь...

– Где, где мышь?

Посмотрев в том направлении, куда указывал палец гостя, Рыбаков ничего не заметил. Давно не знавший тряпки цементный пол, обрезки электрических проводов, тускло блеснувшая гаечка, закатившаяся под верстак, сломанная монтировка и ещё когда-то забытая здесь пустая бутылка из-под шампанского. Никакой мыши нет и в помине. Рыбаков наклонился ниже, стараясь разглядеть грызуна, видимо, забившегося темноту, в самый угол гаража. Рыбаков, напрягая глаза, прищурился, но и на этот раз ничего и не увидел. Он уже хотел выпрямиться и сказать гостю, что в гараже нет никакой мыши, тот ошибся, тень какая-то померещилась, но не успел раскрыть рта. Фирсов, высоко подняв дрель, оставленную хозяином на верстаке, с силой ударил ей Рыбакова по затылку.

Рыбаков рухнул, как подкошенный, на грудь, раскидав в стороны руки и неловко поджав под себя правую ногу. Он застонал, плохо соображая, что произошло, попытался выпрямить ногу и, упираясь ладонями в пол, приподняться. Но снова получил по затылку увесистый удар дрелью. Казалось, большой груженный транспортный самолет с невыносимым тяжелым ревом могучих турбин влетел в правое ухо и вылетел из левого. Самолет, сделав разворот, кажется, собирался повторить маневр, на этот раз влететь в левое ухо. Рыбаков застонал. Сумеречный, окрашенный лишь серыми красками мир, поплыл перед глазами, разделился на два мира и снова слился в один. В голове рухнула, развалилась кирпичная стена. Она погребла под кирпичными обломками этот серый мир. Мир погиб.

Рыбаков даже не ощутил нового удара дрелью, он потерял сознание.

Он очнулся, почувствовав лицом неприятный обжигающий холод. Кто-то растирал лицо Рыбакова пригоршней снега. Холодные капли воды стекали за воротник рубашки, щекотали шею. Он открыл глаза и подумал, что жив. Рыбаков обнаружил себя сидящего на полу, спина упирается в ящики верстака, руки связаны за спиной. Голова гудела, как растревоженный осинный улей, ломило виски и затылок. Нет сомнения, он жив, это главное. Вот темноватый гараж,

вот оконце во двор, вот отливает темной краской, хромом заднего бампера недавно купленный японский внедорожник.

А вот Фирсов, склонившись над ним, смотрит прямо в глаза. А рядом с Фирсовым какой-то незнакомый белобрысый молодой человек с неприятным лицом. Переминается с ноги на ногу и улыбался, в его небесно голубых глазах прыгают веселые чертики. Почему же так тяжело дышать, чем забит рот, забит так плотно, что языком не пошевелить? Рыбаков дернул руками за спиной, пробуя освободить их от стягивающей запястья веревки. Безуспешно. Тогда он попытался вытолкнуть языком изо рта пропахшую бензином тряпку. Ничего не получилось, Рыбаков лишь испытал приступ тошноты, и стал, тяжело посапывая, часто дышать носом. Он помотал головой, любое движение причиняло лишь новую боль в затылке и висках.

– Что, уже очнулись? – молодой человек наклонился в Рыбакову, мягкой ладонью потрепал того по щеке. – Вы меня слышите?

Рыбаков, пересилив головную боль, кивнул. Что нужно от него этим людям? Автомобили, стоящие здесь, в гараже? Если так, если им были нужны автомобили, почему тогда машины все ещё на месте? Значит, им нужны деньги. Но здесь всего лишь загородный дом Рыбакова, а не филиал банка, где он держит кое-какие сбережения на черный день. Кажется, боль причиняют не только движения, но и мысли.

– Понимаете меня, да? – переспросил молодой человек и ласково заглянул в глаза Рыбакова. – Пришли в себя? Вот и ладно. А то уж я испугался, вы того... Думал вы уже все... Откинулись.

Фирсов, заложив руки за спину, безучастно стоял над Рыбаковым и, кажется, раздумывал, что же дальше делать с жертвой. Наконец, он снял пальто, повесил его на привинченный к стене крючок, стянул с шеи цветастое кашне.

– Будьте молодцом, держитесь, – говорил молодой человек шепотом, словно не хотел, чтобы занятый своим делом Фирсов услышал его слова. – Держитесь, соберите волю в кулак и держитесь, во что бы то ни стало. Это сейчас, в данный момент очень важно... Важно...

Молодой человек не пояснил, что именно важно в данный момент, вместо этого он рассмеялся залихватистым искристым смехом и плюнул в лицо Рыбакова.

– Ну-у-у-у, – загудел Рыбаков носом, он изо всей силы дернул связанными за спиной руками, порываясь встать, или хотя бы вытереть с лица плевок, но ничего не получилось, он лишь неловко заворочался на цементном полу и снова прогудел носом. – Ну-у-у-у-ну.

– Шевелится, жив земляк, – радовался парень.

Молодой человек отставил назад правую ногу и носком острого ботинка пнул Рыбакова в грудь. Рыбаков сморщился от боли, но на этот раз заставил себя не издать ни единого звука. Вместе с болью жгла душу обида за несправедливое, злое, циничное унижение. Решено, он сожмет зубы, сотрет их до корней, но будет терпеть побои молча, не пикнет, звука не издаст. Пусть он сдохнет в этом гараже, на этом грязном полу, но своими стонами не доставит удовольствия этому молодому подонку и садисту. Паренек оттянул назад правую ногу и снова, на этот раз ещё резче и сильнее, ударил ботинком в грудь Рыбакова. Против воли тот громко застонал, чувствуя, что на глазах выступают слезы. Эти слезы туманили взгляд, мешали видеть происходящее. Молодой человек нагнулся к своей жертве, поднес губы к самому уху стонущего Рыбакова и внятно пообещал.

– Сейчас ты, земляк, будешь умирать. Очень больно.

Рыбакову стало страшно, он поверил в слова молодого человека сразу и навсегда. Фирсов между тем перебросил длинную веревку с петлей на конце через крюк в потолке. Он продел в эту петлю связанные за спиной руки Рыбакова. Закончив с этим делом, он наклонился к хозяину гаража и спросил, понимает ли тот его слова. Рыбаков кивнул.

– Тогда вот что, – сказал Фирсов, – я задам тебе несколько вопросов. Если тебе есть что на них ответить, кивни головой. Кивок – это «да», знак согласия. Я вытащу из твоего рта тряпку, и мы поговорим. Понял?

– У-у-у, – выдохнул Рыбаков.

– Несколько дней назад ты возвращался на автобусе с областной конференции. Тебя довели до Москвы. Помнишь?

Рыбаков утвердительно кивнул головой, стараясь понять, что требуют от него мучители. Он не отрывал взгляда от скучающего лица Фирсова, или как там его имя.

– Из автобуса пропал темный кейс. Вы украли кейс?

Рыбаков отрицательно помотал головой. Он хотел ответить, что это всего лишь недоразумение. Никакого кейса он не видел и, конечно же, не брал. Само это обвинение, сама мысль о том, что Рыбаков, как вокзальный воришка, может взять чужое, украсть, унести какой-то там чемодан, это звучит совершенно нелепо, даже дико. Он хотел сказать этим людям многое, но говорить не мог.

– Вы видели, кто это сделал?

Рыбаков снова помотал головой из стороны в сторону.

– Значит, не видели? – переспросил Фирсов. – И сами не брали?

– У-у – у-у, – Рыбаков вертел головой.

– Хорошо, придется поговорить по-плохому, – Фирсов обратился к молодому человеку. – Тяни веревку, но резко её не дергай, иначе он вырубится.

Фирсов кивнул своему молодому помощнику. Вместе, словно заранее отрепетировали свои действия, они взялись за свободный конец веревки, переброшенной через крюк, потянули этот конец на себя. Рыбаков почувствовал, как за спиной поднимаются вверх связанные запястья, растягиваются сухожилия, суставы рук выворачиваются до костяного хруста. Его тело поднималось над полом к потолку. Он хотел закричать от острой нестерпимой боли, закричать, что есть силы, позвать на помощь, жену, любого случайного прохожего, кто окажется рядом. Но вместо крика Рыбаков издал лишь жалобное коровье мычание.

– Ты слышишь меня, слышишь? – спрашивал Фирсов, налегая на веревку, почти повиснув на ней. – Это ты взял кейс? Ты его взял? Ты?

Молодой человек, пристроившись за Фирсовым, старался, как мог. Он отталкивался от бетонного пола ногами, и все тянул веревку на себя, тянул изо всех сил.

На несколько секунд Рыбакову, не знавшему, что ответить, даже не понимавшему вопросов, показалось, что он ничего не видит, что он ослеп от боли. Он и вправду ничего не видел перед собой, только черные круги, расходившиеся по сторонам. Но зрение вернулось. Рыбаков вдруг решил, что вот-вот умрет, не умрет, так сойдет с ума. Но не умер, не сошел с ума, даже не потерял сознания. Ненадолго голова Рыбакова прояснилась, он отчетливо понял, что всю нестерпимую боль, все нечеловеческие страдания ему предстоит пережить, не лишившись чувств, в полном рассудке. Слезы боли, душившие его, слезы, которые Рыбаков уже перестал замечать, уже не капали, лились из глаз. Он замычал ещё горше, ещё жалобнее, ещё пронзительнее.

– Все, опускай, только не дергай, – скомандовал Фирсов. – Вот так, молодец.

Отойдя в сторону, Фирсов выглянул через оконце гаража на двор, стер ладонью с лица мелкую испарину. Нагнувшись под верстак, Фирсов достал пустую бутылку из-под шампанского, фляжку с машинным маслом. Открутив у фляжки пластиковый колпачок, он поставил бутылку на пол рядом с лежащим на боку Рыбаковым, полил посудину солидолом и обратился к своему напарнику.

– Спускай с него штаны.

Рыбаков замычал, затряс головой.

– Ты что-то хочешь сказать?

Фирсов развязал платок, стягивающий лицо Рыбакова, вытащил из его рта бензиновую тряпку.

– У меня есть деньги, – Рыбаков, чувствуя, что язык совсем занемел, говорил медленно, он хотел, чтобы его поняли.

Фирсов потянул вниз нижнюю челюсть Рыбакова, снова засунул ему в рот тряпку, завязал на затылке узел платка. Рыбаков заплакал ещё горше. Он не знал, не понимал, за что его медленно и так жестоко убивают. Он глядел, как ловко молодой человек расстегивает ремень, молнию на его брюках, с корнем вырывает пуговицы кальсон, выдергивает ноги из брючин. Он ещё мог пнуть ногой этого безжалостного молодого подлеца, прямо в грудь пнуть его ногой, но Рыбаков уже потерял способность к сопротивлению. Он смотрел на молодого человека – и душа истекала кровью. Шалея от боли, Рыбаков понимал, что все самые страшные мучения – ещё впереди. В этот момент ему захотелось поскорее умереть, но смерть ещё не пришла.

* * * *

Росляков, как и было договорено, подъехал на своих «Жигулях» к загородному дому Рыбакова около пяти часов вечера, когда закатное солнце, касалось своим бордовым кругом верхушек строевых сосен в ближнем лесу. Остановив машину на обочине, он хлопнул дверцей и тут только заметил странное оживление возле ворот Рыбакова. Милицейский газик, темная «Волга» с московскими номерами, машина «скорой помощи» с красной полосой на кузове. Несколько милиционеров в форме и в штатском, по выправке их сразу выделяешь. Редкая толпа зевак, видимо, местные просто одетые женщины и мужчины шепотом переговариваясь друг с другом, толпились возле распахнутых настежь ворот гаража. Росляков шагнул вперед, обошел разбитую бутылку растительного масла, растекшееся по снегу бесформенное желтое пятно и наткнулся взглядом на капитана милиции, как показалось, без дела торчавшего возле забора.

– Что тут случилось?

– А вы кто? – колючие глаза милиционера, кажется, немного косившие, смотрели в переносицу Рослякова. – Вы к хозяину? – милиционер кивнул на дом Рыбакова.

– Я корреспондент газеты, – Росляков вытащил из внутреннего кармана и протянул капитану редакционное удостоверение. – Приехал по делу.

– К кому приехали, я спрашиваю?

– К Рыбакову.

Капитан, внимательно рассмотрев удостоверение, вернул его Рослякову и козырнул.

– Минуточку.

Он, плечом растолкав зевак, вошел в гараж. Росляков хотел было пойти за ним, но другой милиционер остановил его жестом. Через минуту из гаража вышел человек лет тридцати в сером штатском пальто, глянул в том направлении, куда показал палец знакомого капитана милиции, шагнул к Рослякову. Мрачное лицо человека не располагало к душевному разговору.

– Это вы корреспондент? Вот и прекрасно, и чудесно, – Рослякову показалось, мужчина хотел сказать ему совсем другие слова, резкие и грубые. – А я следовательно областной прокуратуры Зыков Владимир Николаевич. Капитан сказал, вы к Рыбакову приехали. Зачем? С какой целью?

– В смысле как? – Росляков немного растерялся. – Ну, по делу приехал. У меня редакционное поручение. Мы хотели материал подготовить об акционерном обществе, которым Рыбаков руководит. Положительный пример, редкость в наше-то время. Мы и договорились с ним о встрече.

– Понятно, – кивнул Зыков. – Не встречал в вашей газете положительных материалов. Не в обиду вам, помойка какая-то, а не газета.

– Спасибо за комплимент. Может, хоть вы мне скажете, что случилось?

– Рыбаков погиб, был убит в своем гараже, – просто ответил Зыков.

– Убит? – переспросил Росляков, инстинктивно отступил на шаг и сказал первое, что пришло на ум. – Ну, надо же, убит...

– Вы были близко знакомы с покойным? – Зыков не дал Рослякову договорить. – Вот что, не считите за труд, зайдите послезавтра, в понедельник, часиков в десять утра в областную прокуратуру. Прямо ко мне, к Зыкову. Знаете, где находится областная прокуратура? Вот и прекрасно. Дайте-ка, я ещё раз взгляну на ваше удостоверение.

Росляков снова отступил на шаг и подал удостоверение Зыкову.

– Жду вас к десяти, – Зыков вернул документ. – Мы без формальностей обойдемся, без повестки. Сейчас мне не до этого, не до писанины.

Едва договорив последние слова, Зыков повернул голову к загомонившим за его спиной людям и вдруг, сорвавшись с места, чуть не сбив с ног попавшегося на пути мужичонку, бросился в гараж. Через минуту Зыков при помощи капитана и ещё какого-то человека в штатском за руки выволок оттуда юную девушку с отечным, красным от слез лицом. Росляков, наблюдая за происходящим, решил, что в гараж как-то пробралась дочь покойного хозяина. Девушка упиралась ногами в рыхлый снег, не желая выходить на улицу, вырывала руки. Зыков с милицейским капитаном налегли, толкая её в спину, на помощь к ним уже спешили другие милиционеры. Девушка закричала тонко и пронзительно.

– Я не хочу. Пустите, пустите меня... Не хочу... Не крутите руки...

– Я же приказал, – кричал на милиционеров Зыков.

– Не хочу... Пустите, я не хочу, – надрывалась дочь Рыбакова.

Через калитку на дорогу вышла мать в домашнем халате, протянула руки к дочери, обхватила её за плечи.

– Танечка, Танечка...

– Я же приказал не пускать ребенка в гараж, – не своим голосом заорал на милиционеров Зыков. – Мать вашу, не пускайте ребенка в гараж. Бога ради, не пускайте её туда. Она не должна всего этого видеть.

Росляков отвернулся, чувствуя, что досмотреть до конца тягостную сцену с душераздирающими криками и женскими слезами у него не хватит сил. Тяжело вздохнув, он зашагал оставленным на обочине «Жигулям». Показалось, ноги по щиколотку утопали в не снегу, тронутым закатными лучами солнца, а в черной вязкой трясине, грозившей засосать человека без остатка. «Вот же сволочизм. Кажется, неприятности нашли меня сами, большие неприятности. Теперь затаскают», – решил Росляков, упал на сидение и захлопнул дверцу.

Глава восьмая

«Еще немного и я сойду с ума», – подумал Росляков, натирая ладони зеленоватым куском мыла. Он посмотрел на себя в зеркало, опустил голову к раковине, подставил кисти рук под струю теплой воды и, смыв мыльную пену, снова посмотрелся в зеркало. Надо бы побриться, но не хочется оставаться здесь лишние пару минут. Там, в ванне, за пестрой клеенчатой занавеской, сидит, опустив руки на бедра, господин Овечкин. Сидит себе и попахивает, сидит и синее потихоньку.

– Эй, эй ты, – зачем-то сказал Росляков вслух, обращаясь, то ли к своему отражению в зеркале, то ли к безмолвному Овечкину, и прислушался, словно ожидал ответа на свою реплику.

Тишина. Такая гулкая тишина, что слышно, как в квартире наверху льется вода из крана. Росляков встряхнул жестяной цилиндр и, выдавив на ладонь пену для бритья, размазал её по щекам, смочил под струей воды лезвие безопасной бритвы. «Да, так и с ума можно съехать, это запросто», – подумал он. Как все скверно складывается, кажется, из ситуации нет никакого выхода, а Овечкин будет вечно сидеть в ванной, наливаясь мертвенной синевой и благоухать. Росляков, рассматривая в зеркале собственную физиономию, принялся бритвой счищать пену со щек и подбородка. Утром или днем сюда ещё можно зайти, через «не могу», через себя, но зайти можно. А вечером один вид двери в ванную комнату уже навевает панический ужас. И вообще в квартире рядом с этим мертвяком находиться невозможно. Каждый раз, переступая порог, Росляков совершал над собой акт нравственного насилия.

– Сволочь ты, Овечкин, – отвечая на собственные мысли, вслух заявил Росляков и заметил, как предательски дрогнула в руке бритва.

Еще порезаться не хватало из-за него. Надо что-то решать, что-то делать. Но что решать и что делать, если этот хрыч Овечкин, пустив себе пулю в висок, все решил за других, распорядился не только своей смертью, но и жизнью оставшихся на этом свете людей? Так что же делать? Задавая себе этот бессмысленный вопрос в тысячный раз, Росляков прекрасно понимал, что ответа на него нет. И все-таки, что же делать?

Вспомнился давний разговор с одним знакомым мужиком, пытавшимся организовать частное бюро ритуальных услуг. Мужик тот стараниями конкурентов скоро разорился, но дело не в этом. Гроб что ли Овечкину купить? Будет у него свое место. Пусть хоть в гробу лежит, не в ванной. Да, пусть лежит в гробу, как покойнику полагается. «У меня друг в гробовой мастерской работает, – сказал тот знакомый мужик. – Цены там у них, конечно, сумасшедшие, не подступиться. Но для своих людей большая скидка. Так что, могу тебе устроить гроб по человеческой цене. Считай, что гроб уже у тебя в кармане». В ту минуту Росляков даже испугался неожиданного предложения, вытаращил глаза и даже замахал руками: «Ты совсем спятил на почве своего банкротства. Я умирать на этой неделе не собираюсь и на следующей неделе тоже не собираюсь. Возьми этот гроб себе. Поставь его в своей квартире, в большой комнате поставь, под люстрой, и отдыхай в нем после обеда».

Теперь неожиданное предложение купить гроб по сходной цене не казалось пугающим, не казалось диким, напротив, упаковать тело Овечкина в сосновый ящик более чем желательно. «Но здесь, в моей квартире, не семейный склеп древнего рода Овечкиных», – поправил себя Росляков. Кроме того, как все это будет смотреться со стороны, что подумают соседи? Молодой человек, в квартире которого никто не умирал, вдруг втаскивает в эту самую квартиру гроб. С какой целью? Он что, смертельно болен и, предвидя собственный скорый конец, решает сам позаботиться об оболочке для брэнного тела? Может, и действительно болен, откуда соседям знать такие вещи? Но все равно, это как-то необычно, экстравагантно и, главное, очень подозрительно.

Таких фокусов люди не поймут. Можно попробовать пронести гроб в квартиру тайно, под покровом ночи, в полной темноте. Нет, все равно заметят. Кто-нибудь из соседей, слышав за дверью странные шумы, обязательно выглянет на лестничную площадку в глазок. Или высунется через окно на улицу. А нам, на тротуаре, корячится с гробом Росляков. Да на следующий день о приобретении Рослякова весь дом будет знать. И, разумеется, участковый. Сообщат бдительные граждане.

Но если даже предположить, что никто из жильцов ничего не заметит, возникает вопрос, как доставить необычный груз до места? На багажнике собственных «Жигулей»? Росляков представил себя за рулем автомобиля, на крыше которого стоит гроб, обитой красной материей и отороченный черным кантом. Еще то зрелище, дикое. Росляков напряг память. Нет, на московских улицах ему ни разу не попадались частные машин с гробами на крышах. Ясно, первый же гаишник остановит: «Права и техпаспорт. Кому ночью везешь гроб?»

Закончив бриться, Росляков сполоснул лицо водой, насухо вытерся мягким полотенцем и перед тем, как взять в руки пузырек с лосьоном, принялся. По воздуху плыл щекотавший ноздри сладковатый запах тронутой временем мертвой человеческой плоти. За пестрой клеенчатой занавеской, закрывавшей ванну, тяжело жужжала проснувшаяся и неизвестно как залетевшая сюда навозная муха. Он вышел из ванной, плотно прикрыв за собой дверь, разбитой стариковской походкой добрал до кухни, выглянув в окно, увидел припорошенные снегом тротуар, крыши дальних гаражей. Так что же делать?

Росляков рухнул на стул и обхватил голову руками. Этот кошмар рано или поздно должен кончиться. «Когда все эта эпопея с покойником будет позади, надо будет устроить прекрасную вечеринку, – думал Росляков. И пригласить на неё всех-всех, даже тех двух бездомных, что отказались выносить труп. Но до прекрасной вечеринки ещё надо дожить». Росляков покачал головой, удивляясь бездонной глупости собственных мыслей. Все ещё только начинается, большие неприятности впереди, а веселая вечеринка, весьма вероятно, может состояться в переполненной преступниками, отпетыми рецидивистами смрадной камере следственного изолятора. О да, это будет веселая вечеринка: порция баланды и пайка хлеба. И эти деликатесы предстоит съесть стоя на ногах, потому что на шконках для тебя, фраера, места нет.

Он сидел на стуле и, приняв себя, водил носом из стороны в сторону. Кажется, противный сладкий запах можно услышать уже на кухне. Попахивает Овечкин. Да что уж там, «попахивает». Смердит – вот подходящее слово.

Так что же делать?

* * * *

Росляков оставил «Жигули» на стоянке возле гостиницы, вошел в просторный пустой холл, похожий на огромный аквариум. За стойкой администратор со скучающим видом смотрел в экран большого телевизора, укрепленного на стене. Транслировали репортаж с хоккейного матча. Поздоровавшись, Росляков спросил, в каком номере проживает Виктор Васильевич Аверинцев. Портъе, оторвавшись от телевизора, лениво полистал страницы регистрационной книги, и назвал номер комнаты. «Если вы в гости направляетесь, давайте сюда паспорт или ещё что-нибудь, – сказал портъе. – Надо записать данные». «Я порядки знаю», – Росляков положил на стойку водительское удостоверение.

Поднявшись пешком на четвертый этаж, Росляков нашел нужную дверь и постучал в неё костяшками пальцев. «Открыто», – голос с другой стороны был едва слышен. Опустив ручку, Росляков перешагнул порог номера. Из тесной прихожей хорошо просматривалась небольшая квадратная комната с аскетической обстановкой: узкая какая-то детская кровать у стены, квадратный стол с двумя стульями, тумбочка и крошечное кресло. Чудом уместившийся в

этом кресле отец, поднял глаза от развернутой на коленях газеты и издал странный возглас, то ли он охнул при виде сына от неожиданности, а может, просто искренне обрадовался.

– Не ожидал, – отец поднялся на ноги. – Какими судьбами?

– Судьбами, – бездумно повторил последнее слово Росляков, скинув куртку и меховую шапку, повесил одежду на крючок и прошел в комнату. – Просто приехал и все. Думаю, сидишь сейчас один, скучаешь, словом перебросятся не с кем. Вот я и приехал потреться.

– Правильно сделал, что приехал, – отец застегнул «молнию» спортивной куртки, сложил газету и бросил её на стол.

Росляков, вдыхая тяжелый запах застоявшегося табачного дыма и какой-то неизвестный лекарственный дух, искал глазами, куда бы присесть, но выбирать было не из чего, и он опустился на неудобный с прямой жесткой спинкой стул. Не зная, с чего начать разговор, придвинул к себе пепельницу из штампованного хрусталя, размял пальцами кончик сигареты. Отец подошел к окну и вытащил спрятанную между двумя рамами полную бутылку коньяка.

– Как знал, что ты приедешь.

– Вообще-то я за рулем, – несколько мгновений Росляков боролся с искушением, он понимал, что на трезвую голову вряд ли сможет сказать самое главное. – А выпить и вообще посидеть мы можем у меня на квартире. Перебирайся ко мне. Сегодня же, прямо сейчас собирай чемоданы.

– Что за спешка? – отец поставил на стол два прозрачных стакана, открыл банку рыбных консервов. – Я смотрю, ты что-то невеселый. Какие-то неприятности?

– Да как сказать, – медлил с ответом Росляков. – Не то чтобы серьезные неприятности. Это как посмотреть.

– На работе что-то стряслось?

– На работе постоянно что-то трясется, – отмахнулся Росляков. – Это, как бы сказать, происшествие... Да, именно происшествие это, оно как раз случилось дома, по месту жительства то есть. Там оно и случилось.

– И что случилось по месту твоего жительства?

– Ну, я же говорю, это не то чтобы серьезная неприятность, это происшествие, как бы это правильно сказать, – Росляков искал, куда то пропавшие нужные слова и тер пальцами сигарету, измельчая табак в пыль. – Ну, короче говоря, в квартире моей, один мужик застрелился. Пулю себе в висок пустил.

Росляков замолчал, уставился на отца, ожидая какой-то реакции. Но отец, плотно усевшись в миниатюрном кресле, лишь молча кивал головой, мол, говори, говори, сынок, а я послушаю.

– Я совершенно не знал этого человека, то есть я его знал, – Росляков окончательно запутался в словах. – Возможно, я говорю какие-то невероятные, дикие вещи, но прошу мне поверить. Вся эта история началась десять дней назад. Мы вместе присутствовали на одной конференции. Поздний вечер, он попросил переночевать. Сказал, что с женой недавно развелся, она пока живет в их бывшей общей квартире. Эту квартиру они планируют разменять. Туда Овечкин идти не хотел, как он выразился, по этическим соображениям. А сам он временно проживает то ли у приятеля, то ли у дяди, в области. Ну, я пожалел человека и сказал, мол, чего уж там, оставайся на ночь.

– То есть ты проявил в его судьбе человеческое участие, а он, свинья этакая, застрелился на твоей квартире? – усмехнулся отец. – Наверняка полы кровью перепачкал, мебель?

– Полы он перепачкал только на кухне, кровь я смыл, это ерунда, – Росляков, наконец, довольный тем, что нужные слова нашлись, закурил. – А застрелился он не сразу. На следующий день я отправился на работу, а Овечкин остался у меня дома. За день выпил целый ящик пива и остался на вторую ночь. Короче, разрешил Овечкину провести ещё одну ночь у меня в квартире. Но он не ушел и на следующий день. Ходил где-то по своим делам, потом опять вер-

нулся ко мне. Я проклинал себя за мягкотелость, но я снова не выставил Овечкина на улицу. Я опять пошел на работу...

– На следующий день он снова выпил ящик пива?

– На следующий день когда я вернулся с работы, он лежал в кухне на боку, а в правом виске была дырка, а в руке... Ну, не совсем в руке, пистолет под столом валялся. Это не важно. Я испугался, что этот труп повесят на меня. То есть первой моей мыслью было обратиться в милицию. Но я не стал горячиться, торопить события, постарался все обдумать спокойно, постарался все взвесить. И решил, что меня притянут за убийство. Найдут, высосут из пальца какой-нибудь мотив, ну скажем, личные неприязненные отношения, что-то из этой оперы. И посадят.

– И что дальше?

– В том то и дело, что дальше – ничего, – Росляков выразительно поморщился. – Труп Овечкина до сих пор в моей квартире, я его в ванную перетащил. Там он и лежит, то есть сидит. Но это не важно, лежит он или сидит. Он воняет, смердит. Скоро этот запах можно будет услышать на лестничной площадке, на верхних этажах. Запах покоя мне не дает, везде преследует. На работе, в транспорте. Даже кажется, что сейчас здесь мертвечиной попахивает.

Росляков покосился на бутылку коньяка и, раздувая ноздри, покрутил головой, словно принюхивался к неуловимому трупному запаху, который он навязчиво ощущал. Отец встал на ноги и приоткрыл створку окна.

– В моем номере покойников пока нет, – сказал он. – И ты не знаешь, с чего это вдруг человек решил свести счеты с жизнью да ещё в чужой квартире?

– Откуда мне знать? Ведь он мне не сказал: «Петя, сегодня вечером я застрелюсь на твоей кухне. Из-за неразделенной любви пуцу себе пулю в голову. И прошу прощения за возможный беспорядок». Он такого не говорил, может, сюрприз хотел сделать. Если так, то сюрприз и вправду получился.

– Уверен, что ему никто не помог застрелиться?

– Овечкин оставался в квартире один, по всему видно, гостей у него не было.

– Если гостей действительно не было, считай, тебе уже повезло.

– Так что же мне делать, отец? – Росляков задал мучающий его вопрос и склонил голову набок. – Что мне делать? Ведь это не может продолжаться бесконечно, ну, этот покойник в ванной комнате... И вообще...

– Я не знаю, что тебе делать, никогда не попадал в такое положение, – ответил отец. – Но в будущем постарайся не оставлять у себя на ночь незнакомых людей. Этот вот, твой Овечкин, застрелился. А другой постоялец удавится или отравится. Самоубийства на твоей жилплощади могут стать дурной традицией. И в каждом новом случае тебе придется решать знаменитые вопросы: что делать? и кто виноват?

– Ну, так что же мне делать? – Что делать? – возвысил голос отец. – Ноги брить. Вот что делать.

– Мне не с кем даже посоветоваться.

– Ладно, не мучай себя вопросами. Сейчас поедem к тебе, взгляну на твоего мертвого друга. Вот только хотели посидеть по-человечески, поговорить, выпить, – отец кивнул на нетронутую бутылку, – а ты своим рассказом все застолье испортил. Обождать, что ли не мог, потерпеть немного?

Росляков лишь виновато вжал голову в плечи.

* * * *

Виктор Васильевич, устроившийся на переднем сидении «Жигулей», отмалчивался и сердито, как показалось сыну, сопел. Росляков, вцепившись в руль, то и дело вздыхал, наблю-

дая как «дворники» сгребали на стороны залепляющий ветровое стекло тяжелый мокрый снег. «Лишь бы он только согласился помочь», – думал Росляков. На этой мысли все прочие мысли почему-то обрывались. Каким образом может помочь отец в крайне неприятном щекотливом деле, Росляков не знал, но внутренне был уверен, что отец как-то выручит.

«Лишь бы он помочь согласился», – думал Росляков. Он хотел оборвать молчание, завести разговор о пустяках, например, спросить отца, как тот нашел изменившуюся столицу. Но путь пролегал, не по широким украшенным рекламой проспектам, а по не радовавшим глаз окраинам, кривым и грязным улицам, мимо промышленной зоны, мимо унылых заводов, похожих на огромные бараки, мимо забрызганных грязью фонарных столбов и автобусных остановок, мимо необъятных труб тепловой электростанции, пускающих серые выхлопы в такое же серое небо. И Росляков, так и не подобрав легкой приятной темы для беседы, молчал.

Открыв дверь в квартиру, он пропустил отца вперед, сам непроизвольно задвигал носом, замешкавшись на пороге, тщательно вытер чистые ботинки о резиновый коврик и, затравленно оглядываясь на запертые двери соседей, переступил порог. Отец, быстро снявший серый плащ на теплой стеганой подкладке, включил свет, и, не дожидаясь приглашений, прошел в конец прихожей к двери ванной комнаты. Росляков быстро сбросил с плеч куртку и, не снимая обуви, затрусил за отцом, неотрывно глядя в его спину, понимая, что именно сейчас, в этот самый момент, решается что-то очень важное, наступает новый поворот в этой темной истории, а может, во всей его дальнейшей судьбе.

Шагнув вперед, отец протянул руку, двумя пальцами взялся за край клеенчатой занавески. Звякнули крючки на металлическом кронштейне. Отец отдернул занавеску в сторону. Росляков, решивший, что не сможет ещё хоть раз заглянуть в одутловатое, потерявшее человеческие черты, лицо Овечкина, отвернулся к рукомоюнику и увидел в овальном зеркале над раковиной собственную бледную, какую-то перекошенную физиономию, показавшуюся совершенно чужой. Он на мгновение скосил глаза на отца, склонившегося над телом, и снова отвернулся.

– Ну, что там? – дав петуха, спросил Росляков.

– А что тут может быть? – вопросом на вопрос ответил отец. – Лежит человек и даже не дышит. Кстати, ты давно его видел?

– Дня три-четыре назад.

– За эти три-четыре дня он сильно изменился. Скоро течь начнет.

– Как течь?

– Ну, как текут покойники, пролежавшие несколько дней, – отец повернул голову Овечкина и стал внимательно рассматривать пулевое отверстие в правом виске. – Большая дырка.

Росляков на всякий случай, чтобы вдруг не лишиться чувств, не упасть от накатившего тяжелой душливой волной запаха, ухватился рукой за стояк отопления и против воли, снова покосился на отца, склонившегося над ванной. Кажется, ещё минута пребывания здесь, и не останется сил бороться с собой, он действительно лишиться чувств или блеванет на этот рукомоюник, на зеркало, на пол. «Господи, когда же отец закончит рассматривать этот синий труп?» – Росляков прикрыл глаза и стал дышать раскрытым ртом.

– Пистолет я в письменный стол положил, там он сейчас валяется, – сказал он.

– В письменном столе ему самое место, пистолету, – отец ещё мог шутить.

Отец выпрямился, задернул штору. Росляков, пятясь задом, вышел из ванной, прошел в кухню и, наклонившись над мойкой, долго пил воду из крана. «Если отец сейчас скажет „нет“, – думал он, – то погибло все. Журналистская карьера, благополучная жизнь, считай, все в прошлом. Но черт с ней с карьерой и этой благополучной жизнью. Если ничего нельзя исправить, пусть будет так, как скажет отец. Как он скажет – так и будет». Росляков вытер мокрые губы ладонью и упал на стул у окна. Отец, распахнув пиджак, устроился за столом,

прикурил сигарету и, не выражая никаких эмоций, будто чуть ли не каждый день осматривал лежалые трупы, стал пускать дым в потолок.

– Разумеется, я сделал глупость, – Росляков старался говорить спокойно, он тоже раскрыл сигаретную пачку, заметив, как мелко дрожат пальцы. – Надо было сразу же вызывать милицию.

– Возможно, ты сделал самую разумную вещь в своей жизни.

– Ты так думаешь? – воспрял Росляков.

– Но радоваться все равно нечему, – сказал отец. – Главные заботы впереди. Мне понадобится твоя машина, пила или ножовка и острый нож.

– А зачем тебе пила?

Испытав новый приступ волнения, Росляков вдруг заговорил низким утробным голосом чревовещателя.

– А ты подумай, зачем.

– А топорик не подойдет? – Росляков откашлялся. – У меня есть довольно большой острый топорик для разделки мяса.

– Возиться придется долго, соседи могут услышать, топор не годится, – сказал отец. – Мне понадобятся ножовка и длинный острый нож. Если у тебя этого нет, езжай сейчас же, купи и вернись. Еще понадобится фотоаппарат «Полароид». Нужно сфотографировать труп. У тебя есть фотоаппарат?

– У меня обычный, «мыльница».

– Нужен «Полароид». Не понесешь же ты отснятую пленку проявлять и печатать снимки в фотоателье.

– Мне карточки этого синяка в семейном альбоме не нужны. Нет, совсем не нужны.

– И мне они не нужны. Что за фрукт этот Овечкин, мы не знаем, но совесть его точно не чиста. Ушел ли он из жизни по собственной инициативе или ему помогли, мы тоже не знаем. По одному пулевому отверстию в виске это не определить. Возможно, Овечкина будут искать. Живого для того, чтобы убить. А мертвого для того, чтобы убедиться в том, что он действительно мертв. Фотографии могут пригодиться.

– Я сейчас же куплю «Полароид», – кивнул Росляков. – Что ещё нужно?

– Пассатижи и бритва.

– А это ещё зачем?

Теперь Рослякову показалось, что у него кружится голова, что поднялась температура.

– Ну, если ты хочешь знать подробности, скажу, – отец погасил сигарету в пепельнице. – Наша задача – удалить все лишнее. А пассатижи или клещи нужны, чтобы удалить Овечкину зубы. Бритва для того, чтобы срезать с тела родимые пятна, бородавки, татуировки и всякое такое. По зубам, родинкам или бородавкам судебные эксперты могут идентифицировать труп. А это плохо, совсем плохо, если труп, вернее, то, что от него останется, идентифицируют и установят личность Овечкина. Ниточка потянется прямо к нам. Теперь понял?

Росляков, вжавшись в стул, вздрагивал от слов отца, как от ударов.

– Теперь понял, – кивнул он и задал обжигающий душу вопрос. – Я должен буду тебе помогать? Ну, в этой операции? На подхвате, инструменты подавать и все такое?

– В этой операции? – переспросил отец и усмехнулся. – Ты еле на стуле сидишь, того и гляди, с него свалишься. Какая уж от тебя помощь. Помрешь чего доброго со страху во время этой, как ты выражаешься, операции. И что мне тогда делать с двумя трупами, твоим и Овечкина? У тебя хоть деньги есть?

– Есть, – закивал Росляков.

– Тогда езжай за покупками, – сказал отец. – Вернешься, оставишь мне машину и отправишься ночевать к своей матери. Все, топай. И не трясись ты. Что случилось, то случилось. Нужно думать, как жить дальше.

- А как ты себя чувствуешь? – запоздало вспомнил Росляков.
- Нормально, сегодня нормально, – отец почему-то нахмурился.

Глава девятая

Васильев, то и дело поглядывая на наручные часы, томился в приемной Марьясова уже более часа. Он успел пролистать два иллюстрированных журнала и несколько вчерашних газет, сложенных стопкой на низком столике. Кожаный диван, стоило Васильеву поменять позу, жалобно поскрипывал. Секретарша Верочка, безмолвная, как дохлая рыба, с постной физиономией печатала на машинке какие-то деловые бумаги, она, видимо, тоже скучала за работой, часто отворачиваясь к окну, прикрывая рот ладонью, зевала, и снова приемную оглашал треск машинки.

– Фу, тут у вас просто скука смертная, – поделился наблюдением Васильев.

– Я же вам сказала, – секретарша подняла голову от работы, достала носовой платок и тщательно вытерла им маленький красный носик похожий на фигу. – Владимир Андреевич раньше двух часов не освободится. У него иностранец. Вы сами сказали, что подождете, а теперь жалуетесь.

– Я не жалуюсь, – Васильев покачал головой. – Только вот недавно прочитал в газете любопытную заметку. В аэропорту скончался человек. Вроде бы обычное дело. Мало ли от чего умирают люди? Ну, медики натурально сделали вскрытие и не обнаружили никаких причин, которые могли бы привести пассажира к смерти. Тогда за дело взялись ученые и открыли удивительную вещь. Оказалось, человек скончался, не поверите от чего. От долгого ожидания он скончался. Вылет его самолета переносили несколько раз. А он, бедняга, ждал, ждал, а потом взял помер на жесткой скамейке. Вот ученые выявили некий смертельный вирус ожидания, заразится которым могут люди чего-то очень долго ожидающие. Опасаются даже массовой эпидемии. Научный факт. Представляете?

– Да уж, странный случай.

Верочка спрятала в столе скомканный носовой платок.

– Скажите, а в вашей приемной ещё никто не умер от ожидания? Не было ещё смертельных случаев?

– Пока что не было, – Верочка, оставаясь серьезной, шмыгнула носом. – Все посетители остались живы.

– А вот я, кажется, так и помру, на этом диване, ничего не дождавшись. Но, а если не помру, то уж точно заболею, тяжело заболею, слягу. Скажите, Вера, а вы будете навещать меня в больнице?

– Что это мне вдруг вас навещать? Думаете, мне навещать кроме вас больше некого?

Васильев хотел ответить на вопрос секретарши, но промолчал и стал размышлять над другой проблемой: живет ли Марьясов с Верочкой. Пожалуй, живет. Секретарша всегда рядом, всегда под рукой, наверняка отзывчива к ласкам начальника, бежит по первому зову. Очень удобно. Васильев, склонив голову на бок, стал критическим взглядом рассматривать секретаршу, ссутулившуюся над пишущей машинкой. Уже через минуту он сделал прямо противоположный вывод. Нет, Марьясов секретаршу не трогает. Но тогда какой смысл держать на месте некрасивую и неумную женщину? Может, она родственница жены Марьясова?

– А вы случайно Марьясову не родственница? – спросил Васильев.

– А почему вы об этом спрашиваете?

– Так просто спросил, – Васильев пожал плечами. – Спросить что ли нельзя?

– Вы мешаєте мне работать, – сказала Вера, подтверждая своим ответом правильность догадки Васильева. – Вы бы, пока Марьясов не освободится, сходили вон в пельменную через дорогу. Там кормят хорошо и недорого.

– Я сейчас голодаю, – бездумно соврал Васильев, уже успевший плотно пообедать. – Слышали что-нибудь о лечебном голодании? Очень способствует. Здоровью и всему такому прочему. Рекомендую.

– Просто ничего не едите – и все?

– И все, – кивнул Васильев. – Ничего в рот не беру уже вторую неделю, чай не пью, кофе. Только минеральную воду. Так прекрасно себя чувствую, просто потрясающий эффект от этого голодания. Иногда мне даже кажется, что душа существует как бы отдельно от тела. Витает где-то там, – он показал пальцем на потолок. – А тело само по себе. Ведет, так сказать, независимый от души образ жизни.

– Глядя на вас, я бы не сказала, что вы голодаете, – глаза Веры светились тусклым недоверчивым блеском. – Такой плотный мужчина, в соку, – при слове «мужчина» секретарша облизнулась. – А когда же надо заканчивать это голодание?

– Когда почувствуете, что душа уже того, совсем от тела отделилась, тогда и заканчивать нужно. Если ещё не поздно.

Вера с чувством ударила пальцами по клавишам машинки, разродившейся сухим стрекотом.

– Пожалуй, пойду пройду по улице, – сказал Васильев, которому надоело развлекать себя розыгрышами глупой секретарши. – На воздухе я как-то забываю о чувстве голода, которое гложет меня изнутри.

* * * *

Накинув пальто, он спустился со второго этажа к выходу, закрыл за собой парадную дверь офиса и прошагал десяток метров до машины, в которой развалился на водительском месте слушал радио Трегубович. Сев на заднее сиденье, Васильев попросил сделать музыку потише.

– Минут через двадцать он освободится, – Васильев вытянул ноги вдоль сидения. – Сейчас у него хрен какой-то сидит, иностранец.

– Иностранец? – переспросил почему-то удивившийся присутствию иностранца Трегубович. – Как сюда иностранца-то занесло?

– Я почему знаю? – Васильев вытащил из кармана пальто сигареты и зажигалку. – Я тут вот что подумал: пойдём к Марьясову вместе. Ты два дня наблюдал за этим писакой, за газетчиком Росляковым. Вот и доложишь Марьясову о том, что видел. Что, я за тебя буду все пересказывать, как испорченный телефон.

– Ничего такого я не видел, – теперь Трегубович смутился. – Только время зря потратил.

– Все-таки что-то ты видел, записи делал в блокноте, – усмехнулся Васильев. – Вот об этом и расскажешь. Привыкай работать с начальством. Порой грамотно составленный, гладкий отчет о работе важнее, чем сама работа. Психологию наших работодателей надо знать, разбираться в ней надо. Не то, чтобы нужно при каждом удобном случае пыль в глаза пускать, нет, но Марьясов должен знать, что мы не сидим на месте, мы отрабатываем свой хлеб. Так и ему спокойнее и нам тоже. В следующий раз не станет дергать по пустякам. Возьми с собой блокнот и по своим записям доложишь то, что видел. Усек?

– Усек, – кивнул Трегубович, полез во внутренний карман кожанки и достал сложенный вчетверо исписанный листок. – Мать письмо прислала, только сейчас, пока ждал вас, прочитал.

– И что пишет мать? – спросил Васильев без всякого интереса. – Какие новости по вашей области?

– Какие уж там новости зимой в деревне? – махнул рукой Трегубович и выключил радио. – Надо бы матери денег выслать, на дрова и вообще на жизнь. Хоть немного.

– Вышлешь ей денег, – ободрил молодого человека Васильев. – Вот обтяпаем это дельце – и вышлешь. Марьясов своих работников деньгами не особенно балует.

– Да, жадноват земляк он до денег.

– Но если уж мы найдем этот чемодан, получишь большую премию. Это я тебе обещаю. Кстати, ты бы давно мог матери денег выслать, если бы немного в расходах поджался. Но тут дело молодое, пожить хочется, это я понимаю. Вообще-то я думал, у тебя нет матери.

– Как это нет матери? – удивился Трегубович. – У каждого человека есть мать или была. Как это может быть, чтобы человек без матери?

– Я не знаю, как это может быть, – Васильев выпустил из груди табачный дым. – Но мне казалось, что вот лично у тебя матери нет, и не было.

– Как это не было?

– Ладно, это я шучу, не обижайся, – улыбнулся Васильев и с грустью подумал, что его помощник ещё поглупее будет той некрасивой секретарши. – Что ещё твоя мамаша пишет?

– Пишет, что мужик, один земляк, повесился. Сосед наш. Натурально на подтяжках удавился. Вытащили из петли, он ещё теплый, но уже откинулся. Видно, по пьяному делу, от водки решил того, счесть свести.

– Или от несчастной любви, – предположил Васильев.

– От какой ещё любви? – Трегубович снял кепку и потер лоб ладонью, раздумывая над необычной версией смерти соседа. – Он старый, мужик тот. Ему уж лет семьдесят с гаком.

– А старые, по-твоему, любить не могут? – глупость Трегубовича сейчас не действовала на нервы, а вызвала приятные щекочущие нутро позывы смеха. – Пожилые люди, старые даже, только и умеют любить по-настоящему.

– У него давно любилка засохла и отвалилась. И кого любить-то в деревне? Там девок и баб молодых не осталось, все давно в город подались.

– А может, он старую бабу полюбил? А она его бортанула? Может такое быть?

– Совсем вы мне голову закрутили, – сказал Трегубович. – Сами спрашиваете, как мать, а потом об этом мужике начали. Дался вам этот висельник.

– Тогда запирай машину и пошли к начальству, пора уже.

– Ой, не умею я перед начальством отчитываться, – вздохнул Трегубович. – Он крутой, этот Марьясов. А я робею.

– Ничего, там, в кабинете твой брат Паша Куницын, – усмехнулся Васильев. – В случае чего, он тебя поддержит.

* * * *

Марьясов, пребывавший после беседы с иностранцем в скверном настроении, слушал Васильева с рассеянным видом, вертелся в кресле, беспрестанно курил, поглядывал через запотевшее оконное стекло на улицу и, казалось, мысленно находился совершенно в другом месте и времени. Потушив очередной окурок в глубокой пепельнице, вырезанной из куса темного искусственного малахита, он стал листать перекидной календарь.

Косноязычный Трегубович, стараясь побороть неожиданное волнение, вытянулся в струнку перед начальственным столом, рассказывал о результатах своей работы, бледнел и смущался своей неуклюжей речью, старался не показать смущения и оттого смущался ещё сильнее. Васильев, развалившись в кресле, снисходительно улыбался в усы, покачивал головой. Он словно хотел заступиться за помощника, сказать, что молодо зелено, а искусство связывать слова в гладкие предложения приходит с опытом, с годами, а пока никто не попрекнет Трегубовича за недостатки устной речи, ведь он не чтец-декламатор, и не любительском театре перед публикой выступает. Здесь все свои.

– Я следил за этим Росляковым, ну, натурально половину дня, с утра, – говорил Трегубович, то и дело сглатывая вязкую слюну. Вспомнив о толстом ежедневнике, заведенным по требованию Васильева, Трегубович переложил книжицу с записями, похожую на томик стихов

из руки в руку, наконец, раскрыл её, зашуршал страницами и стал читать по писанному. – За первую половину дня ничего не произошло. Он из дома вышел, потом сел в автобус, доехал до станции метро, – Трегубович поднял голову от записей. – Я так понял, что он на работу отправился. Поэтому в метро не стал спускаться, поехал на машине прямо к зданию редакции.

Присутствовавший в кабинете пресс-секретарь Марьясова Павел Куницын, устроившись в углу на мягком диванчике, строгим взглядом смотрел на двоюродного брата и бездумно механически кивал головой. Куницын разложил на коленях журнал «Ньюсвик» на английском языке. Иностранного языка он не понимал. Не вникая в смысл происходящего, Куницын склонил голову к журналу и задремал с полузакрытыми глазами.

– Вы сядьте на стул или вот в кресло, – оборвал Марьясов Трегубовича. – Что вы встали перед столом, как восклицательный знак.

– Да, да, конечно, – Трегубович придвинул к себе стул, опустился на его краешек и снова заглянул в ежедневник. – Росляков находился в здании редакции с десяти часов утра до пяти часов вечера. Внизу я заказал себе через ответственного секретаря газеты пропуск, якобы принес в газету рекламное объявление. Меня пропустили. Я посидел в буфете недалеко от Рослякова, который беседовал с каким-то бородатым мужчиной. Затем, когда Росляков вернулся в свою комнату, я побродил по этажу, спустился в столовую. Я стоял под дверью кабинета и слышал разговор Рослякова с каким-то автором, а также его телефонные беседы. Ничего особенного, обычные деловые разговоры и личная беседа с какой-то женщиной, к которой этот земляк обещал зайти вечером. Купить водки и зайти. А редакционное помещение устроено так, что слежку за Росляковым можно вести совершенно спокойно, без риска себя обнаружить. Там полно народа, посетителей, всяких жалобщиков, земляков и внештатных авторов.

Марьясов, казалось, совершенно не слушая Трегубовича, вертелся в кресле, щелкал кнопкой шариковой ручки, кряхтел, потирая лоб. Наконец, он нетерпеливо хлопнул ладонью по столу, прерывая рассказ Трегубовича.

– Слушайте, Николай, зачем вы рассказываете мне распорядок дня этого Рослякова? Меня не интересует, сколько времени провел на работе этот человек, с кем он там виделся. Вы вообще понимаете свою задачу, видите цель ваших поисков?

– Вижу, – смущенный Трегубович завертелся на стуле, зашуршал страницами ежедневника. – Конечно, вижу эту цель.

Васильев молча развел руками и улыбнулся, словно хотел извиняться за своего неловкого молодого помощника.

– Тогда продолжайте. Только покороче.

– В семнадцать часов Росляков покинул здание редакции и отправился в центр, – Трегубович зачитал адрес. – Как раз к той дамочке, с которой разговаривал по телефону. Объект моего наблюдения пробыл на квартире около двух с половиной часов. Судя по всему, Росляков имел с этой дамочкой половое сношение.

– Все, хватит, – Марьясов с чувством хлопнул ладонью по столу. – Хватит читать мне эту белиберду. Имел половое сношение... Судя по всему... Судя по чему, имел сношение? И какое касательство его жалкое сношение имеет к нашему делу?

– Ну, я думал...

– Ты думал? – Марьясов плюнул в корзину для бумаг. – Он, видите ли, думал. О чем только? Является ко мне в кабинет и начинает мне читать какие-то порнографические записки.

При слове «порнографические» проснулся пресс-секретарь и с осовелым видом поводит головой из стороны в сторону, стараясь понять, кто произнес разбудившее его слово и о чем, собственно, идет речь.

– Ты что, ищешь работу, где можно ничего не делать, а только подглядывать в чужие замочные скважины и получать за это деньги? – бушевал Марьясов. – Но синекур не осталось и дураков почти не осталось. Ты один из последних. Все, свободен, жди в приемной.

Трегубович неловко встал, чуть не опрокинув стул, на полусогнутых ногах, пятясь задом, вышел из кабинета. Куницын, так ничего и не поняв, опустил голову к журналу и смежил веки. Васильев, дав волю чувствам, хлопнул себя ладонями по коленкам, громко рассмеялся.

– Меня просто оторопь берет от этого человека, от брата твоего, – сказал Марьясов, обращаясь к пресс-секретарю. – От тупости его непроходимой оторопь берет. Сегодня он ещё складно рассказывал. А так лексикончик этого типа состоит из пары сотен слов. И самые употребимые, как я заметил, это: земляк, водка, крутой, откинулся... И как вы только работаете с этим дураком? – Марьясов глянул на Васильева.

– Я смирился с Трегубовичем, как с некой данностью. А его лексикон за последнее время обогатился, сильно обогатился.

– Вам действительно нужен такой помощник?

– В некоторых делах он просто незаменим, – кивнул Васильев. – Отвязанный малый, он просто упивается насилием. Иногда я сам удивляюсь, откуда в молодом человеке столько злобы и изощренной жестокости к людям. Короче, для грязной работы этот Трегубович подойдет. А в остальном он, разумеется, полный ноль. Хотя схватывает на лету, быстро учится.

– Вот именно, он быстро учится, – заступился за родственника Куницын. – Старается парень. Может, способностей у него маловато, провинциал, трудно ему здесь. Но он старается.

Сказав то, что должно сказать в такой ситуации, Куницын склонил голову к журналу и отдался дремоте.

– О Боже, – Марьясов тряхнул головой и уставился на Васильева. – Расскажите хоть вы о том, как дело продвигается. Только покороче.

– Дело идет, не так скоро, как бы хотелось, но все-таки идет, – Васильев погрузился. – Говоря бюрократическим языком, круг подозреваемых лиц становится все уже. Рыбакова можно вычеркнуть. Он умер.

При слове «умер» Куницын снова проснулся, бездумно уставился на своего начальника и сонно захлопал глазами, решив больше не засыпать, иначе можно пропустить самое интересное, всю соль разговора.

– Да, да я знаю, что Рыбаков умер, – вздохнул Марьясов. – Печально, что я могу сказать, очень печально. О смерти Рыбакова даже заметка в газете была. Значит, этот вариант, в смысле Рыбаков, точно отпадает?

– Абсолютно точно, – кивнул Васильев. – Чемодан украл не он. Наш список сократился, в нем остается совсем немного людей. Журналист Росляков, предприниматель Мосоловский и некто Овечкин. А да, совсем забыл, в автобусе ехал этот черт из кабака, Головченко. Все люди на виду и, видимо, никто из них не собирается отправляться в бег. Но Овечкин пропал. У своей женщины не ночует, на службе не появляется. И никто не знает, где он.

– Действуйте твердо. Но с этим Росляковым все-таки поосторожнее, постарайтесь, если это возможно, обойтись без насилия. Все-таки он корреспондент столичной газеты. Случись с ним что, поднимется такая жуткая вонь, что поисками его обидчиков чего доброго займутся всерьез.

– Тут я с вами согласен, – отозвался Васильев. – Могут быть последствия. Правда, это сегодня Росляков – корреспондент большой газеты, сегодня он на виду. А завтра его, глядишь, с треском вышибут с места, уволят. Это ведь можно устроить, организовать его увольнение. Росляков серьезно проштрафится, и его уволят. Тогда моя задача сильно облегчится. Кто станет всерьез заниматься каким-то безработным?

– И каким образом вы собираетесь организовать его увольнение? У вас есть связи в газетном мире?

– Разумеется, связей у меня никаких нет. Но любого человека можно подставить. Тем более сам Росляков дает повод, он далеко не ангел. Человек неорганизованный, неаккуратный. Короче, повод найдется.

– Если вам нужны люди, помощники, только скажите.

– Это довольно простое дело, – пряча улыбку, Васильев кончиками пальцев погладил усы. – Осведомители покупаются, а исполнители мне не нужны. И Трегубовича хватает. Такой заводной парень, троих помощников заменит.

Глава десятая

Старший следователь областной прокуратуры, юрист первого класса Владимир Никифорович Зыков скучал в коридоре морга, дожидаясь, когда можно будет задать несколько вопросов судебному эксперту Сачкову. Извертевшись на жестком с прямой спинкой диванчике, Зыков, вдыхал запахи формалина и сырой плесени, насквозь пропитавшие подвальное помещение судебного морга, вздыхал и самому себе жаловался на судьбу. Всего полтора месяца, как Зыкова повысили, перевели в областную прокуратуру из района. Завидная должность и звание для его-то Зыкова неполных тридцати пяти лет. Хорошая, стремительная карьера, о какой ещё год назад можно было только мечтать. В районе он неплохо работал, проявил себя с лучшей стороны, его заметили наверху, предложили повышение. Это лестно.

«Надо себя проявлять на новой работе, доказывать и нам, и самому себе, что в выборе мы не ошиблись», – так сказал на собеседовании прокурор области, дав понять, что должность старшего следователя досталась Зыкову авансом, и молодому, даже по житейским понятиям человеку, ещё предстоит пахать и пахать, чтобы стать равным среди равных. Слов нет, и проявлять себя надо и доказывать... Что-то, кому-то, возможно, даже самому себе надо доказывать. Но, если разобраться, все это – лишь красивые гладкие слова, которое начальство любит скормливать подчиненным, чтобы подстегнуть их служебное рвение. Эти слова Зыков слышал от начальства и раньше, в районе. Но доля правды в них все-таки есть.

Опытные коллеги, много лет проработавшие в областной прокуратуре, ныне досиживающие до пенсии, внешне доброжелательные, пока только присматриваются к новому сотруднику, но стоит тому допустить ошибку, облажаться, наверняка среди них пойдут разговоры о том, что Зыков не тянет, о том, что теперь, не то что в прежние времена, ставят на должность кого попало, а молодые не отрабатывают авансы. Дескать, тщеславие молодежи никак не заменит высокого профессионализма старых кадров, ветеранов, съевших последние зубы на прокурорской службе. Разговоры поползут. Вот и первые серьезные дела, которое доверили Зыкову, явно рассчитаны на засыпку.

Взять хотя бы убийство предпринимателя Рыбакова в его же гараже. Ни подозреваемых, ни мотивов убийства, почти ничего. Есть, правда, словесное описание убийцы, но что в нем толку? Жена Рыбакова утверждает, что у мужа не было врагов, что никто ему не угрожал, что бандиты на него не наезжали... То же самое в один голос повторяют его сослуживцы: человек бесконфликтный, работяга, который добился успеха мозолями, трудовым горбом, а не махинациями. Строить планы следственных мероприятий все равно, что строить замок на песке.

И это дело, с отрезанной голенью, найденной в одном из районов области, тоже дохлое из дохлых. За такое дело старые кадры, съевшие все зубы, и до дыр протеревшие штаны на жестких стульях в убогом помещении областной прокуратуры, возьмутся, как говориться, только через суд. Но свалят вину за «висяк» на неопытность Зыкова.

Что сегодня есть в руках следствия? Только правая голень мужской ноги, отпиленная от тела ножовкой и слегка покусанная бродячими собаками. Эта голень, присыпанная снегом, валялась недалеко от проселочной дороги возле рабочего поселка в дальнем районе Подмосковья. Там ещё поблизости протекает речка со звучным названием Лопасня. Группа рабочих кирпичного завода, пешком возвращавшаяся по домам после первой смены, заметила несколько диких собак, обнюхивающих некий предмет. Кто-то из рабочих не поленился, поднял палку, запустил ей в собачью стаю, разбежавшуюся по сторонам. И вот итог: в судебный морг поступила голень правой мужской ноги, аккуратно отпиленная от тела ножовкой. Сколько пролежал в снегу этот фрагмент человеческого тела, кто оставил голень на обочине, кем был убитый? – все это вопросы не для слабых умов. Ответа на них нет и, видимо, в ближайшее время не появится. Весной, если повезет, найдутся и другие части трупы.

Но если они и найдутся, что это даст следствию? Сгнившую кожу и мышечную ткань к тому времени наверняка обглодают грызуны. И даже собрав на секционном столе судебного морга мозаику из кусков человека, вряд ли удастся установить личность убитого. Один шанс из тысячи. Ну, возможно, на теле окажется приметная татуировка. Это хорошая зацепка, просто отличная. Но на такие подарки судьбы рассчитывать глупо. Если уж тело так умело расчленили, ясно, что действовал профессионал, человек с веревками вместо нервов и холодной трезвой башкой, и уж наверняка татуировки и родинки он срезал первым делом. С них и начал. И зубы наверняка удалил. Да и сейчас, когда фрагменты тела ещё надо найти, а пока есть только эта голень, нет смысла строить пустые догадки и гипотезы. Чтоб она, эта голень... Зыков заругался про себя.

Окурок зашипел в плевательнице, Зыков поерзал на неудобном диване, не зная, чем себя занять, вытащил из внутреннего кармана пиджака сложенную трубочкой газету, развернул её, пробуя читать первую попавшуюся заметку о смотре художественной самодеятельности, но не мог сосредоточиться на тексте. Не хочется начинать работы на новой должности с неудачи, нужно блеснуть, проявить себя. Но чем именно себя проявить? Зыков свернул газету и стал думать о жене, которую только предстояло перевести в Москву, в служебную квартиру, совсем пустую. Он пытался вспомнить доброе лицо жены, но вспомнил одиноко лежавшую на секционном столе синеватого цвета мужскую голень, поросшую темным жестким волосом.

– Давно меня ждете? – судебный эксперт Сачков высокий, казалось, попиравший сводчатый потолок коридора бритой налысо головой, тронул Зыкова за плечо. – Пойдемте в мой кабинет.

Зыков поднялся на ноги.

– Спешу вас обрадовать, – Сачков на ходу расстегнул серый застиранный халат. – Похоже, этот фрагмент тела, ну, мужская голень, в своем роде подарок для следствия.

– Неужели?

Зыков, едва поспевавший за длинноногим экспертом, недоверчиво, как-то криво усмехнулся. Толкнув незапертую дверь, Сачков прошел в узкую темную каморку с письменным столом у зарешеченного окошка под потолком, включил верхний свет и, развалившись на стуле, скрестил руки на груди. Закрыв за собой дверь, Зыков сел на другой стул и поежился. В этой клетушке, с мигающей под потолком люминесцентной лампой, клетушке, высокопарно именуемой кабинетом, стоял просто-таки уличный зимний холод.

– У вас тут холодина, как в морге, – не удержался от замечания Зыков.

– Мы не жалуемся, – Сачков погладил ладонью голову, то ли хотел стереть с ушей и лысины пыль, то ли просто замерз. – Потому что жаловаться некому.

– Да-да, – нетерпеливо кивнул Зыков.

– Письменное экспертное заключение ещё не готово, – сказал Сачков. – Просто не успели составить и отпечатать. За бумагами приходите завтра к вечеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.